

Запах измены и стали

Моя Аннетт

Моя Аннетт

Запах измены и стали

«Литнет»

2026

Аннетт М.

Запах измены и стали / М. Аннетт — «Литнет», 2026

Я была «золотым носом», создавая шедевры для высшего света. Теперь я — «пустышка» в кандалах, приговоренная к медленной смерти в Смоговых Ямах. Мой муж, блистательный граф Вальмон, публично выжиг мою магию и выбросил меня, как пустой флакон, чтобы скрыть собственную никчемность. Он думал, что лишил меня всего. Он забыл, что мои знания — это не капризная магия, а точная наука. В мире, где запах — это статус и власть, я создам собственный Источник из золы и ржавчины. И когда мой бывший муж приползет ко мне, задыхаясь от зловония собственного краха, я не пролью ни капли антидота. Но в этом аду есть Тот, кто не чувствует запахов вовсе. Железный Генерал, Железный Пес Империи. Для него я — лишь «ресурс». Но именно наша сделка может стать самым стойким шлейфом в моей новой жизни. В ТЕКСТЕ:☆☆ Умная и сильная героиня☆☆ Властный и холодный герой с секретом☆☆ Химия, запахи и тактильность☆☆ Месть, интриги и очень горячее противостояние График выкладки — через день в 17:00 по МСК

© Аннетт М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Аромат дорогого факапа	5
Глава 2. Оранжевый горизонт	8
Глава 3. Цех номер ноль	12
Глава 4. Сердце под давлением	16
Глава 5. Стерильная зона	20
Глава 6. Мыло из пепла	24
Глава 7. Инспекторский нос	28
Глава 8. Урок анатомии	31
Глава 9. Горький миндаль	34
Глава 10. Допрос с пристрастием	38
Глава 11. Личный шлейф	42
Глава 12. Женский бунт	45
Глава 13. Засада в тумане	49
Глава 14. Переломный момент	52
Глава 15. Пробуждение инстинктов	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1. Аромат дорогого факапа

Говорят, перед самым концом вся жизнь проносится перед глазами, как ускоренная перемотка старого кино. Вранье. В моем случае в голове пульсировала только одна мысль, отчетливая и едкая: «Боже, какой же это эпический, просто запредельный факап».

Зал Высшего Суда в Этерне встретил меня запахом холодного мрака. Это был специфический аромат: смесь вековой пыли, сырого камня и того самого застарелого страха, который за сотни лет буквально впитался в гранитные поры. Высокие своды уходили в глухую темноту, где, казалось, прятались тени всех несчастных, кого здесь когда-то лишили имени. Но самым удушающим был «шлейф аристократии» — густой, почти осязаемый коктейль из пудры, приторных цветочных масел и тяжелой амбры. Воздух был настолько плотным и липким, что его хотелось раздвигать руками, как пыльную театральную кулису. Здесь не пахло правосудием. Здесь пахло сословием, которое привыкло выжигать любые дефекты на своем безупречном теле.

Я стояла в самом центре гранитного круга. Запястья ныли от веса кандалов — тяжелых, грубых, пахнувших ржавчиной и чужой безнадеей. Моя «броня» — шелковое платье цвета индиго, которое еще вчера казалось мне верхом элегантности — теперь ощущалось нелепым маскарадом. Я чувствовала себя как редкий экспонат в витрине, который сейчас разобьют молотком на потеху скушающей публике. Каждый взгляд, брошенный с трибун, ощущался как укол булавкой.

— Майя Эвергард, — голос Верховного Судьи, сухого старика с глазами-шелками, ударил под дых, заставляя вздрогнуть. — Вы обвиняетесь в преднамеренном осквернении Родового Источника дома Вальмон. Вы превратили Аромат Власти, гордость нашей Империи, в зловонную гниль. Есть ли вам что сказать, пока приговор не вступил в законную силу?

Я медленно, преодолевая сопротивление онемевших мышц, подняла голову. В правой ложе на пурпурном бархате сидел мой муж. Граф Аларик Вальмон.

В моем прошлом мире я создавала парфюмы для звезд первой величины и знала всё о масках, которые люди надевают вместе с дорогими духами. Но даже самые искушенные светские львицы не сравнялись бы с Алариком по уровню самодовольства. Он сидел в золотом камзоле, расшитом нитями солнечного камня, и свет магических ламп играл на его безупречно уложенных волосах. От него исходил аромат бергамота, триумфа и очень дорогого мускуса — сложная композиция «Золотой Рассвет», которую я сама же и доработала для него месяц назад. Это был запах победителя. Запах человека, который только что провернул идеальный трюк — подставил жену, чтобы скрыть, как сам загубил семейное наследие своими дилетантскими экспериментами. Он смотрел на меня так, будто я была пятном грязи на его фамильном гербе.

— Майя, — Аларик чуть подался вперед, и этот жест был исполнен ложного сочувствия. Его взгляд, еще вчера обещавший мне горы золота и защиту, теперь был холодным, как лед в бокале дорогого напитка. — Просто признай вину. Мы все понимаем, что ты — «пустая». Иномирянка, чей разум не выдержал величия нашего дара. Твоя хваленая чувствительность к запахам оказалась лишь временной иллюзией, которая в итоге стала ядом для нашего Рода. Ты не справились, и это разрушило нас.

Внутри закипела такая ярость, что я физически почувствовала вкус металла во рту. Я, Майя Соколова, ведущий технолог, которая по запаху могла отличить сорт розы по нотам сердца за версту, должна была стоять и слушать этот бред? Я три месяца жила в его душной, пыльной лаборатории, по молекулам собирая этот чертов Источник, который он сам же отравил, пытаясь усилить концентрацию магических эфиров!

— Мой «дар», Аларик, — мой голос прозвучал неожиданно твердо, эхом отразившись от каменных стен, — это знание структуры вещества. И твой Источник начал отдавать серо-

водородом только потому, что ты, проигнорировав мои расчеты, добавил в него нестабильные соли из Диких Земель. Ты хотел власти, а получил обычную химическую реакцию разложения. Твоя жадность пахнет гораздо хуже любой гнили.

В зале повисла такая тишина, что я отчетливо услышала, как в углу догорает магическая свеча. Аристократы замерли, переваривая услышанное. А затем раздался смех. Резкий, неестественный... какой-то пластиковый, как запах дешевой синтетики в элитном бутике.

Смеялась леди Элоиза, сидевшая по правую руку от Аларика. Она пахла сахарной ватой, розовой водой и безграничным коварством. Её тонкие пальцы, унизанные кольцами, небрежно перебирали кружева на рукаве моего мужа, собственническим жестом обозначая новую территорию.

— Какая нелепость, — выдохнула Элоиза, не скрывая торжества. — Она даже сейчас пытается умничать, используя свои странные термины. Бедняжка просто сошла с ума от осознания собственной никчемности. Аларик, дорогой, не стоит тратить время на эту... дефектную. Она больше не часть нашего круга.

Аларик даже не посмотрел на меня. Он лишь коротко, почти незаметно кивнул судьё. В этом жесте было столько ледяного, профессионального безразличия, что оно обожгло меня сильнее любой открытой ненависти.

— Приговор окончательный! — судья ударил массивным молотком по мрамору. — За преступление против порядка Империи и предательство Рода, подсудимая Майя Эвергард лишается магического фона. Навсегда. И приговаривается к пожизненной ссылке в Смоговые Ямы. Исполнить!

Двое стражей в тяжелых доспехах, пахнущих старой смазкой, порохом и потом, мгновенно шагнули ко мне. Один грубо схватил меня за плечо, разворачивая спиной к ломам. Я хотела дернуться, закричать, высказать им всё про их «магический порядок», но горло сковал ледяной спазм.

Я почувствовала жар. Не тот приятный, уютный жар от камина в зимний вечер, а злой, концентрированный огонь, который за секунду превратил мое сознание в раскаленный белый шум. Магическое клеймо коснулось обнаженной кожи на моем затылке.

Сенсорика взорвалась. В нос ударил резкий, тошнотворный запах горелой кожи — моей собственной кожи. Но страшнее боли была внезапная пустота. Магический фон — эта невидимая, теплая вуаль, которая связывала меня с этим миром, позволяя чувствовать его пульс — начал с треском вырываться наружу. Было ощущение, что из меня через одну точку на живую вытягивают все нервные окончания, оставляя после себя лишь вакуум. Мой «нюх» не исчез, но он стал плоским, лишенным той магической глубины, к которой я успела привыкнуть.

Перед глазами всё поплыло, превращаясь в серые пятна. Я упала на колени, и холод гранита показался мне единственным спасением. Боль была такой острой, что я перестала слышать гул толпы. До меня доносился только этот пластиковый смех Элоизы и холодный, деловитый голос мужа, который уже обсуждал с судьёй какие-то юридические формальности моего изгнания.

— Уведите её. Это зрелище становится утомительным и портит воздух, — бросил Аларик, даже не оборачиваясь.

Меня схватили под руки и поволокли к выходу. Мои ноги безвольно цеплялись за ступени, а в голове, как заезженная пластинка, прокручивалась одна и та же сцена: Аларик медленно достает белоснежный платок и с бесконечной брезгливостью вытирает пальцы. Будто само присутствие в одном зале со мной, само прикосновение к воздуху, которым я дышала, могло его осквернить. Это было хуже клейма. Это было полное, окончательное стирание меня из его жизни.

Меня буквально вышвырнули на задний двор Суда, где шел мелкий, колючий дождь. Холодная вода била по лицу, смешиваясь со слезами, которые я так и не позволила себе про-

лить перед этими стервятниками. Я не плакала от горя — я запоминала. Каждую ноту этого дня: запах мокрого камня, бергамотовый шлейф Аларика, амбру дворцовых интриг. Я упаковывала эти воспоминания в самые дальние, защищенные уголки памяти, чтобы однажды, когда придет время, создать из них аромат его полного и окончательного краха.

Стражи, не церемонясь, швырнули меня в грязный тюремный фургон. Внутри пахло прелым сеном, мокрой псиной и ржавчиной. Тяжелая решетка захлопнулась с лязгом, который навсегда отрезал меня от прошлой жизни, от шелковых простыней, лаборатории и человека, которого я по ошибке считала своим спасением.

Фургон дернулся, подпрыгивая на рытвинах. Через узкие щели в деревянных досках я в последний раз увидела парадное крыльцо Суда. Аларик стоял там под зонтом, который держал слуга, а Элоиза кокетливо поправляла его воротник, что-то шепча на ухо. Он улыбался — той самой мягкой, чарующей улыбкой, которую я когда-то полюбила.

Ну что, Соколова, вот тебе и «сказочное попадание». Хотела магии и приключений? Получи кандалы и ожог второй степени. Аларик, ты совершил свой самый большой факап в жизни. Ты думал, я — просто красивая декорация к твоему титулу? Плохая новость: декорации не умеют синтезировать яды и противоядия. А я — профессионал. И я очень, очень терпеливая. Посмотрим, кто из нас первым запросит пощады, когда твой вылизанный, идеальный мир начнет пахнуть канализацией.

«Ничего, Аларик, — подумала я, прижимаясь горящим затылком к грязной и холодной стенке фургона. — Ты думаешь, что лишил меня всего, выжег мою суть дотла. Но ты забыл одну деталь. Мои знания — это не магия, это наука. И скоро ты узнаешь, что настоящая власть пахнет не золотом, а соляной кислотой, сталью и моим неизбежным возмездием».

Фургон покатился прочь от сверкающей столицы, постепенно погружаясь в густой, удушливый оранжевый туман, за которым начинались Смоговые Ямы — место, где заканчиваются биографии и начинаются легенды о выживании.

Дорога казалась бесконечной. Тряска, вонь и холод выматывали, превращая мысли в серую кашу. Когда фургон наконец остановился на первом блокпосту, лязг засова показался мне звуком выстрела. Дверь распахнулась, впуская внутрь вихрь оранжевой пыли и запах гари.

Внутрь заглянул человек в длинном кожаном плаще. Его лицо было скрыто тенью глубокого капюшона, но от самой его фигуры исходило такое ледяное, абсолютное спокойствие, что даже пульсирующая боль от клейма на мгновение отступила. Он не пах ни парфюмом, ни грязью. Он пах озоном, как воздух перед самой разрушительной грозой. Незнакомец молча посмотрел на меня, и его взгляд, холодный и оценивающий, прошил меня насквозь.

— Дефектная? — произнес он низким, вибрирующим голосом, в котором не было ни капли сочувствия, лишь сухой расчет. — Хорошо. Нам в Ямах как раз не хватало кого-то, кого не жалко пустить в расход ради общего дела. Выгружайте её.

Дорогие читатели!

Большое спасибо, что заглянули в мою историю!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять и ставьте звездочку — это очень меня мотивует :)

Подписывайтесь на меня, так мы точно не потеряемся:

<https://litnet.com/shrt/Sj8->

Глава 2. Оранжевый горизонт

Тряска прекратилась так резко, что я едва не впечаталась лбом в шершавую стенку фургона. После бесконечных часов, проведенных в этой деревянной коробке, тишина показалась неестественной, почти пугающей. Она не была мирной — она была тяжелой, пропитанной низкочастотным гулом далеких машин, который вибрировал где-то в самых подошвах моих сапог.

В голове всё еще эхом отдавались слова того человека в плаще, брошенные стражникам у блокпоста: *«Нам как раз не хватало кого-то, кого не жалко пустить в расход»*. Сухой, расчетливый голос. В нем не было ненависти — только холодная инвентаризация. Я для него была даже не человеком, а очередной деталью, которую можно стереть в пыль ради «общего дела».

— Выходи, отребье! Конечная станция, — дверь распахнулась с противным скрежетом, и серый, грязный свет ударил по глазам.

Меня грубо вытащили за цепь, соединяющую кандалы. Ноги, затекшие и окончательно онемевшие за время пути, подогнулись, и я упала коленями прямо в липкую, угольно-черную пыль. В нос тут же ударил такой букет, от которого мой внутренний эксперт-парфюмер впал в глубокую депрессию.

Это был концентрат из переработанного мазута, серы, жженой резины и застарелого, кислого привкуса ржавчины. Добро пожаловать в Смоговые Ямы. Вайб здесь был такой, будто кто-то решил построить аттракцион для любителей выживания в условиях тотального апокалипсиса. Воздух казался густым, его не хотелось вдыхать — его хотелось жевать, как черствую, пережаренную корку хлеба.

Я медленно подняла голову, щурясь от едкого тумана. Над головой расстиралось небо цвета ржавчины — тяжелое, низкое, оно казалось живым организмом, медленно выдыхающим копоть. Повсюду, насколько хватало глаз, высились остовы заводов, переплетающиеся бесконечными змеями труб. Огромные поршни где-то вдали мерно вбивали ритм в измученную землю: *бум-бум, бум-бум*.

— Вставай, графинюшка, — стражник в форме Железного Легиона (выцветшая ткань, пятна отработанного масла и запах дешевого табака — вот их истинный герб) с силой дернул за цепь. — Здесь тебе не Этерна. Здесь твой статус стоит не дороже ведра отработанного шлака.

Я медленно поднялась, изо всех сил стараясь сохранить остатки достоинства. Отряхивать шелк, который теперь выглядел как тряпка для мытья полов, было бесполезно. Но я всё равно начала счищать черную пыль с подола — медленно, тщательно, почти машинально. Это не было «вредностью». Это был последний рефлекс женщины, которая привыкла контролировать свой образ. Если я сейчас позволю этой грязи стать частью меня, если перестану заботиться о чистоте ткани, то окончательно признаю, что Аларик победил. А я не собиралась доставлять ему такое удовольствие. Чистота шелка была моей маленькой, отчаянной войной против системы, которая уже списала меня в утиль.

Затылок горел. Клеймо пульсировало в такт заводским поршням, напоминая о том, что я больше не «сиятельная». Я теперь просто единица ресурса в огромной машине Империи. Тот самый «расходный материал».

— Статус, может, и ничего не стоит, — я демонстративно выплюнула набившуюся в рот пыль прямо под ноги стражнику, — но манеры у вас такие же дешевые, как ваше жалованье. Вы всех женщин так встречаете, или я удостоена индивидуального тура за особые заслуги перед химической промышленностью?

Стражник замахнулся, его лицо покраснело от злости, пахнувшей кислым перегаром и мелкой, трусливой властью. Я даже не моргнула. После того как твой муж выжигает тебе душу

на глазах у всей страны, какой-то вояка в засаленном мундире кажется не более опасным, чем назойливая муха.

— Довольно, — голос прозвучал негромко, но стражник замер, так и не опустив руку.

Из тени огромного ангара, напоминающего пасть железного чудовища, вышел человек. Тот самый. Генерал Дариан. Лорд-протектор Ям. «Железный Пес», о котором в столице шептались с содроганием.

Он двигался с той пугающей, почти звериной грацией, которая бывает только у очень сильных хищников. Каждое движение было выверено до миллиметра, ни одного лишнего жеста. Когда он подошел ближе, я почувствовала, как воздух вокруг него стал ощутимо холоднее. Но самым странным было не это.

Как профессионал, я привыкла «читать» людей по их аромату. Аристократы Этерны пахли амбициями и скрытой гнилью под слоями роскоши. Стража пахла потом и примитивной агрессией. От Дариана не исходило ничего. Вообще.

Это была абсолютная, почти физически ощутимая стерильная пустота. Как будто передо мной стоял не человек, а стальная колонна, которую только что достали из вакуумной упаковки. Его аносмия — полное отсутствие обоняния — была не просто медицинским диагнозом. Она была его аурой. Он жил в мире, лишенном красок запаха, и сам стал частью этого бесцветного, выхолощенного пространства.

Дариан остановился в паре шагов. Его глаза — серые и холодные, как само небо над Ямами — сканировали меня сверху вниз. Он не смотрел на мое лицо или фигуру с мужским интересом. Он смотрел на меня так, как опытный механик смотрит на бракованную шестеренку, которую привезли на замену: оценивал износ, функциональность и примерный срок службы до того, как она окончательно разлетится в труху. Тот самый «расход», о котором он говорил.

— Майя Эвергард, — произнес он, и я почувствовала вибрацию его глубокого баса где-то в районе солнечного сплетения. — Бывшая графиня Вальмон. Обвинительный акт утверждает, что вы опасны. Мои инструкции гласят, что вы — дефектная. Вы иномирянка, потерявшая магию, а значит — бесполезный балласт для Империи.

— Инструкции часто грешат неточностями, Генерал, — я выпрямила спину, игнорируя вспышку боли в шее. — А Аларик Вальмон врет так же естественно, как дышит. Это его основная профессиональная компетенция. Вы же сами сказали, что вам не хватает тех, кого не жалко. Так вот я здесь.

Один из стражей попытался ударить меня по ногам, чтобы заставить склониться, но Дариан едва заметным, почти ленивым движением руки остановил его. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на скуку.

— Здесь не столица, — повторил он слова стражника, но в его устах они звучали иначе. Как констатация неумолимого физического закона. — Здесь нет места гордости. Здесь есть только норма выработки, жесткая дисциплина и результат. Вы официально признаны негодной к магическому служению. В системе Вердена вы — ничто.

— «Ничто» помогло вашей системе не взлететь на воздух в цеху номер пять на прошлой неделе, если мои сведения о здешних неполадках верны, — я рискнула блефовать, опираясь на свой профессиональный опыт химика. — Ваши котлы пахнут так, будто их не чистили со времен основания династии. А ваши инженеры, судя по едкому запаху серной кислоты, исходящему от их одежды, даже не знают, как правильно рассчитывать пропорции реагентов. У вас тут не производство, Генерал. У вас тут медленное самоубийство под аккомпанемент ржавчины.

Дариан чуть сузил глаза. На его лице не отразилось ни тени удивления, но я почувствовала, как под тяжелой кожей плаща напряглись его широкие плечи.

— Вы дерзите, — бесстрастно констатировал он. — В Смоговых Ямах за подобное лишают пайка на неделю. Или отправляют на ручную чистку фильтров в нижние уровни. Поверьте, это не тот опыт, о котором вы захотите рассказать внукам, если доживете до них.

— О, я уверена, что это будет незабываемый опыт, — я позволила себе язвительную улыбку. — Но если вы действительно ищете того, кого можно «пустить в расход», Генерал, вы явно ошиблись адресом. Я выжила в лабораториях Этерны, где интриги были токсичнее любого вашего смога. Ваши железки и хмурые взгляды — это детский сад по сравнению с тем, через что я прошла.

Стражник рядом со мной зашипел от возмущения, но Дариан продолжал молча изучать меня. В его взгляде промелькнуло что-то новое. Не сочувствие — в этом человеке его, кажется, не было на генетическом уровне — а сухой, почти исследовательский интерес.

— Выгружайте её в сектор три, — бросил он подчиненным, разворачиваясь к ангару. — Завтра в шесть утра она должна быть на распределении вместе со всеми. Посмотрим, сколько продержится ваша спесь, когда столкнется с реальным паром и металлом. Посмотрим, насколько быстро вы станете тем самым «расходом».

Меня потащили к длинному, мрачному зданию барачных бараков. Я шла, стараясь дышать мелко, чтобы не кашлять от едкого оранжевого дыма. Мы проходили мимо огромных чанов, в которых бурлило что-то серо-зеленое, мимо рабочих, чьи лица были скрыты плотными масками. Они провожали меня взглядами — женщину в рваном шелке и кандалах — как призрака из другого, давно забытого мира.

Весь вечер прошел в каком-то лихорадочном тумане. Обыск, выдача серой робы из грубой, царапающей ткани, миска безвкусной жижи, пахнущей разваренной крупой и ржавой водой. Я сидела на жестких нарах, прижавшись спиной к холодной стене барака. Вокруг шептались другие заключенные — женщины, пахнущие потом, дешевым самосадом и беспросветной безнадегой. Я закрыла глаза, пытаюсь вызвать в памяти аромат свежесваренного кофе, но горький вкус золы на языке убивал любые попытки рефлексии.

Ночью я так и не смогла уснуть. Гул машин в Ямах не прекращался ни на секунду. Это было черное сердце Империи, и оно билось тяжело, с перебоями, выталкивая в атмосферу тонны копоты.

Утром нас вывели на площадь. Оранжевый туман стал еще плотнее, он оседал на одежде липким налетом. Нас выстроили в неровные шеренги. Генерал Дариан стоял на возвышении, его плащ развевался на ледяном ветру, как знамя из вороненой стали.

— Распределение! — выкрикнул офицер.

Когда очередь дошла до меня, Дариан внезапно лично спустился с помоста. Он подошел вплотную, и его присутствие мгновенно подавило всё вокруг. Он казался неотъемлемой частью этих огромных механизмов — такой же безжалостной, мощной и вечной.

— Эвергард, — его голос был тихим, предназначенным только для меня. — Вы вчера много рассуждали о химии. Решили, что ваши знания спасут вас от того, чтобы быть пущенной в расход?

— Я говорю только о том, в чем действительно разбираюсь, Генерал, — я смело подняла на него глаза.

Он внезапно сократил дистанцию. Это было так быстро, что я не успела даже сделать вдох. Его пальцы, мозолистые и твердые, сомкнулись на моем подбородке, резким движением заставляя меня закинуть голову.

Я почувствовала жар его тела — единственный человеческий признак в этом механическом монстре. Его лицо было в считанных дюймах от моего. Серые глаза Дариана вдруг вспыхнули странным, холодным светом, зрачки расширились.

Он замер, и я увидела, как его ноздри едва заметно, почти судорожно дрогнули. Он втянул воздух, и его хватка на моем подбородке усилилась так, что я едва не вскрикнула.

— Этого не может быть, — прошептал он, и в его голосе впервые за всё время прорезалась эмоция — глубокое, пугающее и почти болезненное изумление. — У заключенных нет магического фона. У дефектных нет и не может быть запаха. Они пахнут только грязью, отчаянием и смертью.

Он наклонился еще ближе, почти касаясь моим носом своего. Его дыхание, вопреки ожиданиям, пахло мятой и чем-то неуловимо чистым.

— Но ты... — Дариан выдохнул это прямо мне в губы, и я почувствовала, как по моей коже побежали мурашки. — Ты пахнешь дождем. Чистым, летним дождем в самом сердце этого промышленного ада. Откуда у тебя этот аромат, Майя? Как ты это делаешь?

Я замерла, боясь даже моргнуть. Мой магический фон был официально выжжен, я должна была стать «серой», пустой единицей в его отчетах. Но Генерал, который не чувствовал запахов годами, который жил в абсолютной сенсорной пустоте, сейчас держал меня так, будто я была единственным живым существом во всей его мертвой вселенной.

И в этот момент, глядя в его расширенные зрачки, я поняла: мой великий факап вовсе не закончился на суде. Он только что перешел на новый, совершенно непредсказуемый и смертельно опасный уровень.

Глава 3. Цех номер ноль

После того как Генерал Дариан едва не вытряс из меня душу своим странным допросом о «запахе дождя», меня не повели в чистую лабораторию и не предложили чашку чая с извинениями. Вместо этого меня сдали с рук на руки конвою, как бракованный станок, который еще может поработать, если его хорошенько пнуть. Тонкая грань между «ценным специалистом» и «пушечным мясом» в этом мире была окончательно стерта в пыль.

— Сектор три, — бросил Дариан, даже не обернувшись, когда уходил. Его тяжелый кожаный плащ взметнулся, как крыло огромной летучей мыши, обдавая меня на прощание тем самым запахом стерильного холода, который теперь казался мне самым желанным ароматом во вселенной. — И приставьте к ней кого-нибудь покрепче. Мне не нужно, чтобы её прибили в первую же ночь. Она... ресурс.

«Ресурс». Это слово жгло не хуже магического клейма на затылке. Значит, «не жалко пустить в расход», но при этом я — «ресурс». Логика у этого Железного Пса была просто потрясающей. Я плелась за стражниками, волоча по земле кандалы, и каждый их лязг отдавался в моей голове тяжелым набатом, отсчитывающим последние минуты моей нормальной жизни.

Барак Сектора Три встретили меня таким амбре, что мой нос, привыкший к тончайшим нотам эфирных масел Аркенсталя, захотел совершить мгновенное самоубийство. Прямо на входе меня накрыло густое, почти физически ощутимое облако: запах немых тел, застарелого пота, сырости и чего-то едко-кислого. Позже я поняла — это был запах «фирменного» супа Смоговых Ям, который здесь считался деликатесом, а на деле варился из сомнительных пищевых концентратов и отчаяния.

В воздухе висела тяжелая серая пыль, которая оседала на языке приторным привкусом металла. На стенах цвела жирная черная плесень. Она выглядела так, будто обзавелась собственным разумом и уже планировала захват мира.

— Твои нары в углу, — стражник грубо толкнул меня в спину, так что я едва не впечаталась в гнилую дверную коробку. — И не советую вякать. Здесь дисциплина держится на кулаках, а не на красивых глазках. Поняла, дефектная?

Я не ответила. Просто сжала зубы так, что челюсть свело. Огляделась: длинный, темный зал, заставленный двухъярусными койками с ржавыми панцирными сетками. Женщины в одинаковых серых робах провожали меня взглядами. В этих глазах не было ни капли сочувствия — только тупая, вываренная в смоге усталость и хищный, оценивающий интерес. Я чувствовала себя как свежий кусок мяса, заброшенный в вольер к заголодавшим гиенам.

Я дошла до своего места. Матрас, набитый чем-то колючим и подозрительно шуршащим, пах пылью, чьей-то болезнью и вековой безнадегой. Я устало опустила на него, мечтая просто закрыть глаза и не открывать их, пока этот кошмар не закончится.

В голове всплыла картинка моей прежней жизни: личные апартаменты в Изумрудном квартале Аркенсталя. Огромные панорамные окна, выходящие на цветущие сады, автоматическая система климат-контроля, которая каждое утро распыляла едва уловимый аромат свежескошенной травы и белого чая. У меня была собственная прислуга, стерильная кухня из матового стекла и лаборатория, оборудованная по последнему слову техномагии. Там я была ведущим химиком-технологом корпорации «Арома-Прайм», «золотым носом», чьи формулы приносили миллионы прибыли и диктовали моду всей Империи. Я привыкла к шелковым простыням и запаху дорогого кондиционера для белья. А теперь... теперь я в месте, где даже воздух кажется использованным несколько раз.

Я — номер в списке, «пустышка» с горящим шрамом на шее, который пульсирует при каждом вдохе.

— Эй, новенькая. Приперлась всё-таки? А мы думали, тебя сразу в переработку отправят, на мыло. Или на удобрения для императорских оранжерей.

Голос был низким, скрипучим, как несмазанная дверная петля. Ко мне подошла женщина — точнее, гора мышц, обтянутая грязной серой тканью. Её руки до локтей были покрыты старыми шрамами от магических ожогов, а от самой неё несло машинным маслом и дешевой махоркой.

— Я Гретта, — она нависла надо мной, перекрывая и без того скудный свет из узкого, забранного решеткой окна. — В этом цеху правила простые: всё общее. Особенно то, что выглядит дорого и явно не к месту в этой дыре.

Она выразительно посмотрела на мои ноги. Мои ботинки из мягкой кожи ручной выделки, которые чудом уцелели после суда, на фоне этого нищевродства смотрелись как драгоценные артефакты на городской свалке. Это был мой последний привет из Изумрудного квартала, единственный символ того, что я еще человек, а не просто биологический материал.

— Снимай, — коротко приказала Гретта, вытянув массивную ладонь. — Тебе в Ямах они не понадобятся. Здесь либо в казенных калошах ходят, либо босиком, если не заслужишь права на подошву. А такие нежные ножки, как у тебя, быстро привыкнут к металлической крошке на полу. Живо, я не люблю повторять дважды. У меня терпение короче, чем твой магический фон.

— А если я скажу «нет»? — я подняла на неё взгляд. Голос почти не дрожал, хотя внутри всё сжалось от первобытного страха. — Ты ведь понимаешь, что Генерал велел за мной приглядывать? Я — ценный ресурс, Гретта. Ты вряд ли хочешь объяснять Дариану, почему его новый «ресурс» теперь хромает на обе ноги. Он вчера ясно дал понять, что я ему нужна целой. По крайней мере, пока.

Гретта расхохоталась. Смех был похож на кашель старого дизельного двигателя, захлебывающегося мазутом.

— Генерал? Детка, Генерал сейчас пьет выдержанное вино в своей стерильной башне и планирует, как бы поэффективнее сжечь нас в топках ради промышленного прорыва. А я здесь. И дефектные здесь долго не живут, если начинают строить из себя графинь. Твой Генерал забудет о твоём существовании через час после того, как тебя найдут с проломленной головой. Снимай, пока я не сняла их вместе с твоими щиколотками. Поверь, мне даже понравится процесс.

Вокруг нас начал собираться круг из других заключенных. Они замерли в предвкушении бесплатного шоу. Я понимала: если сейчас отдам ботинки — я официально стану жертвой. Завтра отберут пайку, послезавтра — кровать, а через неделю меня действительно пустят в расход, и никто даже не вспомнит моё имя. Это был триггер. Либо я сейчас сражаюсь за своё право дышать, либо я просто исчезаю.

«Думай, Майя. Ты не просто попаданка, ты химик-технолог высшего разряда. У тебя в багаже знаний — вся таблица Менделеева и понимание того, как из обычных бытовых средств собрать маленькую преисподнюю».

Я медленно запустила руку в глубокий карман робы. Там лежала жестяная банка с «Очистителем №4» — мощным щелочным составом для удаления накипи с котлов, который мне выдали вместе с одеждой — и небольшой мешочек с технической солью. В этом мире это называли «средством для черных работ», а для меня это были компоненты для спасения собственной кожи.

— Послушай, Гретта, — я начала медленно вставать, незаметно вскрывая банку большим пальцем. — Я действительно не хочу проблем. Я чертовски устала, у меня горит затылок, и я просто хочу спать. Давай разойдемся миром? Ты идешь к себе, я остаюсь при своей обуви. Это честный обмен: ты сохраняешь свое лицо, а я — свои ноги.

— Миром не получится, — Гретта сделала резкий шаг вперед, протягивая свою огромную, мозолистую ладонь к моему горлу. — Я заберу и ботинки, и твою спесь. А потом, может

быть, оставлю тебя в покое на пару дней, пока мне снова не станет скучно смотреть на твою бледную рожу.

В этот момент мой инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем мозг успел испугаться. Я высыпала соль прямо в открытую банку с концентратом и плеснула туда остатки воды из своей фляги. Реакция пошла мгновенно, прямо как в учебнике для лаборантов: яростное шипение, резкий выброс тепла, от которого жёсть банки едва не обожгла мне пальцы, и плотное, едкое белое облако хлористого водорода вперемешку с аммиачными парами.

Я выставила банку перед собой, как щит.

— Назад, я сказала! — мой крик перекрыл гул за стенами барака.

Гретта, не ожидавшая такой подлянки от «хрупкой графини», влетела прямо в это облако. Едкий газ моментально ударил по слизистой глаз и носа. Она взвыла — громко, по-звериному, — и схватилась за лицо.

— Мои глаза! Тварь! Что это за магия?! — она попятилась, опрокидывая табуретку и врезаясь в койки. Воздух вокруг неё стал белым и невыносимо едким.

Остальные женщины в ужасе отшатнулись. Запах в бараке мгновенно сменился с «кислых щей» на «катастрофу в химической лаборатории».

— Это не магия, — я стояла, тяжело дыша, и всё ещё сжимала банку, от которой шел зловещий парок. Руки дрожали так, что я едва не выронила «оружие», но я старалась держать лицо. — Это называется прикладная химия. И следующая порция будет тебе прямо в глотку, если не отвалишь. Кто еще считает, что мои вещи — это общая собственность? Кто хочет проверить, на что еще способна дефектная с образованием технолога?

Тишина стала такой плотной, что я услышала, как за стеной ритмично капает вода. Гретта скулила на полу, яростно протирая глаза краем своей грязной робы и проклиная меня на все лады. Я знала, что через полчаса зрение к ней вернется — ожог был поверхностным, но крайне болезненным, — но этот урок она запомнит навсегда.

— Ты... ты совсем сумасшедшая, — прошептала какая-то щуплая девчонка из толпы, глядя на меня с суеверным ужасом. — Ты же её почти ослепила! Нас всех стража перевешает за такое!

— Пройдет, — отрезала я, медленно садясь обратно на свои нары и не выпуская банку из рук. — Я просто защищаю то, что принадлежит мне. И если ваш Генерал считает меня «ресурсом», то я — ресурс крайне токсичный. Всем всё ясно?

Толпа начала медленно рассасываться. Гретту увели под руки в сторону умывальников две её приспешницы, которые теперь оглядывались на меня, как на ожившую бомбу замедленного действия. Я осталась сидеть в углу, чувствуя, как адреналин медленно вымывается из крови, оставляя после себя свинцовую тяжесть. Победа была со вкусом золы и дешевого очистителя.

Затылок снова запульсировал. Клеймо будто насмеялось надо мной. «Ты победила Гретту, Майя. Ты отстояла свои ботинки. Но как ты победишь систему, которая построила это место и стерла твою жизнь одним росчерком пера?»

Я легла, подложив под голову свернутую куртку. Матрас подо мной казался каменным пластом. Запах химии постепенно выветривался, уступая место привычной вони безнадёги, но теперь это была *моя* территория. Я закрыла глаза, пытаюсь погрузиться в забытие, когда пол под нарами внезапно содрогнулся.

Сначала это был лишь легкий тремор, словно где-то далеко проехал тяжелый грузовик. Но через секунду вибрация усилилась настолько, что миски на столе заплясали дикую джигу, а ржавые сетки кроватей заскрежетали в унисон.

У-у-у-у-у-у-у-у!

Звук был не просто громким. Это был пронзительный, ультразвуковой вой, который, казалось, выкручивал зубы и заставлял внутренние органы вибрировать в такт безумному

маятнику. Сирена. Сигнал бедствия, который в Смоговых Ямах означал только одно: что-то пошло не по плану. И это «что-то» грозило стереть нас в порошок.

В бараке мгновенно начался хаос. Женщины, которые только что казались полуживыми тенями, вскакивали с мест с неожиданной прытью. Они хватали свои скудные пожитки, опрокидывая утварь и сталкиваясь друг с другом в узких проходах. Страх перед смертью пахнет специфически — резко и холодно, как нашатырный спирт.

— Что происходит?! — я вскочила, вцепляясь в край железной кровати, чтобы не упасть от очередной волны вибрации.

— Пятый сектор! — заорала та самая щуплая девчонка, пробегая мимо меня к выходу. Лицо её было бледным под слоем копоти. — Котел номер ноль! Давление зашкалило! Если он рванет — от нашего сектора только воронка останется! Это конец! Всё, приплыли!

Снаружи послышались крики стражи, топот сотен тяжелых сапог и лязг засовов.

— Всем на выход! Живо! Очистить бараки! — дверь сорвали с петель, и внутрь ворвался дым — густой, черный, пахнувший горелым маслом, перегретым металлом и самой смертью. — Пятый сектор перегрет! Если главный клапан не сорвет в ближайшую минуту, мы все тут испаримся! Не ждите приказов, бегите к внешнему периметру!

Я выскочила на улицу вслед за обезумевшей толпой. Оранжевое небо над Смоговыми Ямами теперь казалось багрово-красным от яростных отблесков огня, полыхающего где-то в недрах промышленного комплекса. Огромная стальная башня в центре содрогалась так, будто внутри неё билось в конвульсиях сердце умирающего титана. Из сочленений труб с оглушительным свистом вырывались струи раскаленного пара, разрезая туман и превращая всё вокруг в филиал преисподней.

Где-то там, на высоте десятого этажа, на мостике прямо над ревущим котлом, я увидела фигуру. Дариан. Даже в этом хаосе его кожаный плащ был узнаваем — он стоял неподвижно, как скала среди бушующего моря огня. Он отдавал приказы через магический усилитель голоса, его бас перекрывал даже гул аварии. Даже отсюда я чувствовала его пугающее спокойствие, но было ясно — магия его инженеров не справляется с бешеным, раскаленным металлом. Магические щиты вокруг башни мерцали синим, пытаясь удержать давление, но они шли трещинами, как хрупкое стекло.

— Котел перегрет! — донесся до меня хриплый, срывающийся на ультразвук крик главного техника. — Магический щит трещит! Температура запредельная, реагенты вступили в неконтролируемую реакцию! Мы все сейчас сдохнем! Мы не можем это остановить, магия подавляет только внешние признаки!

Я посмотрела на свои ладони, всё еще испачканные белым налетом от чистящего средства. В голове мгновенно сложилась схема: я знала этот запах, который доносился от башни. Горький миндаль, жженная резина и озон. Это не просто перегрев. Это химический диссонанс. Они пытаются утихомирить магию там, где нужно просто изменить состав охладителя, пока не произошла детонация газов. Они лечат симптомы, не понимая причины болезни.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Вокруг бежали люди, спасая свои жизни, а я замерла, глядя на ревущую башню и на одинокую фигуру Генерала наверху.

«Ну что, Генерал, — подумала я, бросаясь наперерез толпе, в самую гущу дыма и пламени, в сторону гудящего монстра. — Давай проверим на практике, насколько ценным на самом деле оказался твой новый ресурс. Надеюсь, ты умеешь слушать, когда тебе говорят правду, а не то, что ты хочешь услышать в своих стерильных отчетах».

Глава 4. Сердце под давлением

Если вы когда-нибудь думали, что бежать навстречу взрывающемуся котлу — это крутой поступок в стиле киношных героинь, то у меня для вас плохие новости. В реальности это пахнет не адреналином, а смертью, горелой резиной и вашим собственным страхом. Этот страх внезапно становится таким густым, что его можно почувствовать на вкус — горьким, металлическим, оседающим на языке привкусом золы.

Когда я влетела в Пятый сектор, мир вокруг перестал существовать. Остался только этот адский гул. Раскаленный белый пар застелил всё пространство, превращая огромный заводской цех в предбанник преисподней. Видимость была почти нулевой, я видела только багровые отблески огня где-то в глубине огромного стального монстра, которого все называли «Котел Ноль», и бешеные синие искры магических щитов.

Местные инженеры носились по мостикам как ошпаренные. Их лица были искажены ужасом, они выкрикивали заклинания на латыни или каком-то её местном аналоге, но по тому, как дрожали их голоса, было ясно: магия им не поможет. Они пытались «заклеить» пробойны своей силой, не понимая, что давление внутри уже давно перешагнуло все мыслимые пределы.

— Назад! Уходи, дура! — какой-то стражник попытался поймать меня за плечо, его пальцы больно впились в ткань робы, но я рванулась вперед с такой силой, что он едва не повалился на пол.

— Я знаю, что делать! — рявкнула я, перекрывая гул турбин. — Вы только всё портите своими щитами! Давление нужно сбрасывать, а не затыкать!

Вокруг творился настоящий, первобытный хаос. Маги пытались «задавить» вырывающийся пар своей волей, но это было всё равно что пытаться удержать ладонями струю из пожарного брандспойта — только брызг больше и ожоги глубже. Я же видела проблему иначе. Для меня это не был взбесившийся дух огня или проклятие богов. Для меня это была обычная техническая система, которую довели до критической точки. Огромная кастрюля-скороварка, которая вот-вот лопнет, если не открыть форточку.

Я продиралась сквозь толпу бегущих в панике рабочих. Люди сбивали меня с ног, толкали, кто-то уронил тяжелый ящик с инструментами прямо мне под ноги, но я не останавливалась. Жар бил в лицо, заставляя кожу стягиваться, а глаза — нестерпимо слезиться. Гул котла превратился в тонкий, сверлящий мозг визг, от которого зубы начинали ныть, а в ушах пульсировала кровь.

Я задрала голову на секунду. Там, за толстым стеклом командного мостика, окутанного серым маревом, неподвижной тенью стоял Дариан. Он не суетился, не размахивал руками. Он просто наблюдал, скрестив руки на груди, как капитан, который уже смирился с тем, что его корабль идет ко дну. Его взгляд был направлен прямо в сердце этого ада, и мне на мгновение показалось, что он видит меня сквозь пелену пара. Видит и ждет, что я предприму.

«Смотри, Генерал, — зло и отчаянно подумала я, бросаясь к огромному распределительному узлу. — Смотри, как работает обычная логика там, где пасуют ваши хваленые чародеи. Мы еще посмотрим, кто из нас "расходный материал"».

Проблема была проста, как дважды два, если ты не привык решать все вопросы только щелчком пальцев. Они пытались сдержать поток, наваливаясь на него магией, а нужно было дать ему выход. Нужно было заставить поток двигаться быстрее по аварийной трубе, чтобы общее давление внутри рухнуло.

Перепускной рычаг, огромная стальная «кочерга», заклинил прямо в самом эпицентре облака пара. Металл уже начал светиться нехорошим вишневым цветом, обещая мгновенную смерть любому, кто к нему прикоснется.

— Стой! Сгоришь! — закричали мне вслед инженеры, которые уже пятились к выходу, бросая свои посты.

Какое мне дело до их криков, когда я уже чувствовала, как горят кончики моих волос и как плавится воздух в легких? Сорвав с себя тяжелую серую куртку — ту самую колючую робу, которую мне выдали вчера, — я в несколько слоев обмотала ею ладони. Это была жалкая защита, но другой у меня не было. Шаг в обжигающее марево — и кожу словно полоснуло раскаленной бритвой. Пот мгновенно залил глаза, выедавая их солью, а легкие обожгло так, что я едва не упала.

Вот он. Проклятый рычаг. Горячий, вибрирующий, живой в своей ярости.

Я навалилась на него всем телом, чувствуя, как ткань куртки начинает дымиться. Боль была такой острой, будто я добровольно опустила руки в чан с кипящим маслом. Я чувствовала, как кожа на ладонях начинает гореть под слоями ткани, но отпустить было нельзя. Если я сейчас отступлю — нас всех размажет по этим стенам ровным слоем пепла.

Я закричала, но мой голос утонул в реве пара. Это был крик не от страха, а от дикого, нечеловеческого напряжения.

«Давай же! Поддавайся, кусок ржавчины! Я не для того выжила на суде, чтобы сдохнуть в твоей топке!»

Я уперлась ногами в скользкий от масла пол, чувствуя, как мышцы спины натягиваются до предела, готовые лопнуть. Мои ботинки, те самые кожаные ботинки, которые я отвоевала у Гретты, скользили по металлической решетке пола. Если я не проверну этот чертов вентиль в ближайшие пять секунд, Смоговые Ямы обзаведутся новой братской могилой.

Рычаг подался со скрежетом, который я почувствовала всем телом, каждой косточкой. Один сантиметр. Второй. Пальцы горели невыносимо, я отчетливо слышала запах собственной паленой кожи — тошнотворный, сладковатый аромат, который перекрывал даже запах мазута. Было больно до тошноты, до черных мушек перед глазами. Но я тянула, вкладывая в это движение всю свою ненависть к Аларiku, к этому миру, к этой несправедливости.

Хрясь!

Сталь наконец сдалась под напором человеческого упрямства. Затвор провернулся, и звук в цеху мгновенно изменился. На смену визгу пришел глубокий, тяжелый, почти облегченный выдох — это колоссальное, избыточное давление с ревом устремилось в аварийный сток.

Облако пара резко, словно по команде, втянулось внутрь труб. Стало тише. Оглушительно тише. Я стояла, пошатываясь на ослабевших ногах, и с каким-то тупым, отстраненным ужасом смотрела на свои руки. Серая куртка превратилась в черные, обгорелые тряпки, которые прилипли к коже. Ладони пульсировали от дикой, пульсирующей боли, но Котел Ноль больше не дрожал. Он мерно и тихо гудел, постепенно сбрасывая температуру, как зверь, которого наконец-то накормили.

Вокруг замерли абсолютно все. Инженеры, которые только что собирались бежать, стражники, рабочие — они смотрели на меня как на сумасшедшую, как на привидение, восставшее из пара. На дефектную заключенную в рваной робе, которая голыми руками сделала то, что не смогли все их великие маги. В воздухе повисла такая тишина, что было слышно, как капает конденсат с потолка.

— Давление падает... оно стабилизируется! — прошептал главный техник, недоверчиво глядя на стрелки приборов. — Как это... как она это сделала без магии? Без единой искры?

Я не ответила. Сил не было даже на то, чтобы просто выдохнуть. Я чувствовала, как подгибаются колени, как мир вокруг становится нечетким, будто его нарисовали акварелью и облили водой. Я просто смотрела вверх, на командный мостик.

Дариан всё еще стоял там. Но теперь его поза изменилась — он медленно опустил руки. Его лицо по-прежнему оставалось непроницаемой маской, но я видела, как побелели

его костяшки, когда он сжал кулаки на перилах. Тяжелое стекло мостика с тихим шипением поползло в сторону.

Генерал вышел на балкон. Его длинный кожаный плащ тяжело колыхался, стряхивая капли воды. Он смотрел вниз, прямо на меня, сквозь остатки рассеивающегося тумана. В его взгляде больше не было той скуки, с которой он вчера осматривал меня как «дефектную». Там появилось что-то новое, гораздо более пугающее — опасная, почти физическая жадность. Так смотрят на редкий артефакт, который внезапно заработал вопреки всем законам логики.

Мир вокруг меня начал медленно и торжественно вращаться. Адреналин стремительно уходил, оставляя меня один на один с ожогами и диким холодом, который внезапно пришел на смену жаре.

Дариан начал спускаться по железной лестнице. Его тяжелые шаги по металлу гремели в наступившей тишине, как удары молота, выбивающего приговор. Каждый звук его сапога отдавался в моей голове вспышкой боли. Он шел сквозь расступающуюся толпу, и люди буквально вжимались в стены, освобождая ему путь, словно перед ними шел сам бог войны.

Он остановился всего в пару шагов от меня. Я чувствовала его присутствие всей кожей. От него исходил тот самый холодный, стерильный аромат озона и стали, который теперь смешался с едким запахом горячего металла и моей горелой кожи. Контраст был почти невыносимым.

Дариан молча взял мои руки. Его движения были неожиданно аккуратными, даже осторожными, но хватка при этом оставалась стальной, не допускающей возражений. Он перевернул мои ладони вверх: красные, покрытые жуткими волдырями, дрожащие от болевого шока. Он долго, бесконечно долго смотрел на них, изучая каждую рану так, будто в них был зашифрован код к спасению империи. А потом он медленно, очень медленно поднял взгляд на мое лицо. Его глаза были цвета грозового неба, и в них не было ни капли жалости. Только ледяное любопытство.

Я ждала «спасибо». Честно. Хоть убейте, но в ту секунду я ждала хотя бы скупого кивка. Ну, знаете, как в книжках, когда героиня спасает всех от смерти, и ей хотя бы позволяют присесть и дают стакан воды. Но это были Смоговые Ямы. А передо мной стоял Генерал Дариан, человек, который забыл вкус благодарности еще в колыбели.

— Ты рискнула ресурсом, — его голос был тихим, вкрадчивым, как шелест змеи в сухой траве. — Рискнула своими руками ради куска перегретого железа. Почему? Какая в этом логика, Майя? Ты ведь знала, что можешь остаться калекой.

— Потому что я не хочу испариться вместе с вашим драгоценным железом, — прохрипела я, безуспешно пытаясь высвободить руки. — И потому что ваши маги — просто напыщенные идиоты. Они не знают самых простых вещей. Они пытались договориться с паром, когда его нужно было просто выпустить.

Дариан сузил глаза, в которых на мгновение промелькнула опасная, почти восхищенная искра. Он отпустил мои запястья так резко, будто обжегся сам, хотя его кожа оставалась пугающе холодной. Он резко развернулся к замершим в отдалении офицерам и техникам, которые не смели даже вздохнуть.

— Соберите её вещи в третьем секторе, — бросил он, не оборачиваясь. Голос его звучал как удар бича. — Сегодня же. Она больше там не живет. Режим содержания изменен.

— Куда её, Генерал? — рискнул спросить главный техник, робко указывая на мои изувеченные руки. — В лазарет?

Дариан посмотрел на него так, что бедолага едва не присел. Воздух в цеху мгновенно похолодал еще на несколько градусов. Затем тяжелый взгляд Генерала снова вернулся ко мне. В его серых глазах вспыхнул тот самый огонь, который я уже видела на распределении, но теперь он горел ярче.

— В мой блок, — отрезал Дариан. По рядам рабочих пронесся приглушенный, шокированный шепот. — В жилой отсек для личного состава высшего ранга. Под мою прямую, личную ответственность.

Он снова сделал шаг ко мне, нарушая все границы приличия, так близко, что я почувствовала жар, исходящий от его мощного тела. Он наклонился к самому моему уху, обжигая кожу холодным дыханием.

— Мне нужно знать, как ты это сделала на самом деле, Майя Соколова, — прошептал он, и от звука моего имени в его исполнении у меня по спине пробежал ледяной холод. — И ты мне всё расскажешь. С самого начала. С того самого момента, как ты решила, что можешь играть по своим правилам в моем мире. Ты не ресурс, Майя. Ты — аномалия. А аномалии я изучаю лично.

Он резко развернулся и зашагал прочь, его тяжелый плащ хлопал по голенищам сапог. Он оставил меня стоять посреди огромного, затихающего цеха под прицелом сотен удивленных, испуганных и откровенно завистливых глаз.

А я смотрела ему в спину, чувствуя, как боль в руках становится почти невыносимой, и понимала: переезд в блок Генерала — это вообще не награда и не спасение. Это начало новой, гораздо более сложной и смертельно опасной игры, где на кону будет стоять не только моя жизнь, но и то, что от меня осталось. И я понятия не имею, выживу ли я в этой химической реакции, которую сама же и запустила.

Глава 5. Стерильная зона

Если вы думали, что после спасения целого завода меня ждет мягкая постель в уютном лазарете, то добро пожаловать в реальность. Здесь за подвиги не награждают — тебя просто перебрасывают из одного ада в другой, только теперь этот ад выглядит подозрительно чистым, холодным и до жути организованным.

Меня вели по бесконечным, гулким коридорам жилого блока Генерала. После вонючих, переполненных барачков здесь было странно: ослепительно белые стены, бьющий по глазам холодный свет магических ламп и оглушительная тишина, которую нарушал только размеренный шаг конвоя. Мои ботинки, из-за которых Гретта едва не лишилась глаз в нашей недавней стычке, гулко цокали по зеркально-гладкому металлическому полу. Лязг кандалов казался здесь вызывающе грязным и неуместным, словно я была каким-то дефектным пятном на безупречном мундире этого места.

Руки горели так, что перед глазами периодически плыли черные круги. Обгоревшие куски куртки прилипли к коже, превратившись в жесткую корку, а каждое движение пальцев отдавалось вспышкой острой боли в затылке, где пульсировало клеймо. Я чувствовала себя сломанной куклой, которую волокли на склад запчастей, не особо заботясь о сохранности внешнего вида.

— Пришли. Стой здесь и не смей шевелиться, — бросил офицер, чье лицо за маской-респиратором казалось высеченным из камня.

Дверь отъехала в сторону с тихим шипением. Меня буквально втокнули внутрь. Я пошатнулась, едва не упав, но никто не поспешил мне на помощь.

Личные покои Генерала Дариана.

Я ожидала увидеть на стенах трофейное оружие или какую-то мрачную роскошь, но это место было пустым. Оно не жило, оно функционировало. Всё вокруг состояло из матового металла и тяжелой, грубой кожи. Никаких цветов в вазах, никаких портретов на стенах или памятных безделушек. И самое жуткое — здесь абсолютно ничем не пахло. Совсем. Воздух был стерильным, выхолощенным, как в операционной. Ни пылинки, ни запаха вчерашнего ужина, ни шлейфа мужского одеколона. Абсолютный вакуум.

Дариан стоял у окна, за которым полыхало ржавое небо Ям. Без своего тяжелого плаща, в строгом черном мундире, он казался еще массивнее, перекрывая собой вид на бесконечные ряды дымящих труб.

— Сядьте, Майя, — бросил он, не оборачиваясь. Голос его вибрировал, как низкая струна, заставляя воздух в комнате мелко дрожать. Это был не приказ — это была констатация факта моего бесправного положения.

Я осторожно опустила на край кожаного кресла. Кожа была ледяной и пахла просто... холодом. Сердце колотилось в горле. Он — Железный Пес Империи, человек, способный стереть меня в порошок одним словом. А я — дефектная заключенная, чья ценность сейчас зависела лишь от моих знаний химии и того, не потеряю ли я сознание в ближайшую минуту. Мне было страшно даже глубоко дышать.

— Ешьте, — приказал он, наконец обернувшись и указывая на поднос. — Мне не нужен ресурс, который сдохнет от истощения посреди допроса. Мое время стоит слишком дорого, чтобы тратить его на ваши обмороки.

На подносе лежало мясо, свежий хлеб и фрукты. Выглядело это божественно, но я посмотрела на свои изувеченные ладони и непроизвольно вздрогнула. Пальцы мелко дрожали, а содранная кожа на суставах начала подсыхать, стягивая раны.

— Я не могу, Генерал, — прошептала я, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Мои руки... они не слушаются. Они сгорели там, у вашего котла, пока ваши инженеры молились на свои щиты.

Дариан не выразил ни капли сочувствия. Он подошел ко мне — тяжело, размеренно, заставляя меня инстинктивно вжаться в кресло. Он не стал садиться на корточки, чтобы быть на одном уровне со мной. Он возвышался надо мной, как скала, заставляя смотреть снизу вверх.

Резким, бесцеремонным движением схватил меня за запястья и притянул мои руки к себе. Я вскрикнула от неожиданности и резкой боли, но его хватка была стальной.

— Не дергайтесь, — отрезал он. Его взгляд был холодным и аналитическим. — Если я сказал, что вы мне нужны живой, это не значит, что я буду терпеть ваши капризы.

Он достал небольшую баночку с мазью. Прозрачный, густой гель без малейшего намека на какой-либо аромат. Дариан начал наносить мазь, не заботясь о том, насколько мне больно. Его движения были точными и жесткими, как у хирурга на поле боя.

— Почему он ничем не пахнет? — вырвалось у меня сквозь стиснутые зубы. Профессиональная деформация парфюмера оказалась сильнее страха. — Даже лечебные составы обычно пахнут травами. Это закон состава, Генерал.

Дариан на мгновение сжал мою ладонь так сильно, что я едва не взвыла. Он медленно поднял на меня глаза, и в их серой глубине я увидела бездну абсолютного, пугающего безразличия ко всему живому.

— Потому что для меня ничто не имеет запаха, Майя, — произнес он пугающе ровным голосом. — И вкуса тоже. Весь мой мир — это мертвая схема, лишенная нюансов, которые вы так цените.

Я перестала дышать. Аносмия. Я читала о таких случаях в секретных медицинских архивах Аркенстали. Но здесь, в мире, где статус человека определяется его «шлейфом»... Это было не просто проклятие. Это была полная изоляция от жизни.

— Совсем ничего? — тихо спросила я. — Даже резкие запахи? Огонь? Хлор?

— Ничего, — он отпустил мои руки так резко, что они упали мне на колени. — Мир для меня — это набор звуков и визуальных картинок. Еда — топливо. Пятнадцать лет назад проклятие вражеского мага сделало меня идеальным инструментом. Меня нельзя соблазнить, меня нельзя отравить газом через нос, я не чувствую смрада на поле боя. Я стал Железным Псом, потому что у Пса отняли нюх.

Он встал во весь рост, снова превращаясь в черную незыблемую тень.

— Генерал... — я глубоко вдохнула, понимая, что сейчас либо я выигрываю жизнь, либо окончательно становлюсь «расходом». — Я могу это исправить. Я знаю, как вернуть вам чувства, не прибегая к вашей бесполезной магии.

Дариан горько усмехнулся, и эта ухмылка была острее меча.

— Лучшие целители Империи бились над этим годами, Майя. Вы думаете, что умнее их всех? Ваша спесь когда-нибудь вас погубит.

— Маги лечат магией, Генерал, — я заставила себя выпрямиться, несмотря на дрожь. — А я — химик. Я работаю с молекулами, которые воздействуют напрямую на нервы. Если ваши маги не смогли починить фон, я создам биологический мостик. Я заставлю ваш мозг чувствовать заново.

Он подошел ко мне вплотную, так что я почувствовала жар, исходящий от его тела, хотя взгляд его оставался ледяным.

— И что вы потребуете за это? — его голос стал вкрадчивым и опасным. — Свободу? Возвращение титула?

— Защиту, — твердо ответила я. — Аларик Вальмон пришлет убийц, как только поймет, что я не сдохла. Мне нужно, чтобы вы стали моей гарантией. Чтобы ни одна инквизиторская ищейка не посмела ко мне прикоснуться.

Дариан наклонился к моему лицу так близко, что я видела каждую ворсинку на его воротнике.

— Вы торгуетесь со мной, Майя? Со своим тюремщиком? — он грубо перехватил мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. — Ладно. Но учтите: если вы лжете, чтобы выгадать время, Ямы покажутся вам раем по сравнению с тем, что я с вами сделаю. Мне нужны доказательства. Сейчас.

— Мои вещи, — прохрипела я.

Он кивнул на сумку, которую принесли стражи. Я нашла в ней пузырек из темного стекла. Концентрат «Горная Мята». В такой чистоте — это настоящий удар по нервной системе.

Я вернулась. Дариан стоял посреди зала, неподвижный, как стальной клинок.

— Дайте руку, — потребовала я, стараясь скрыть дрожь.

Он молча протянул ладонь. Я капнула на его запястье одну-единственную маслянистую каплю.

— Теперь смотрите на меня. Дышите медленно. Не ищите магию. Просто впускайте воздух.

Я поднесла его запястье к его лицу, мои пальцы коснулись его горячей кожи. Между нами словно проскочил разряд. Я видела, как он напрягся, как его ноздри хищно дрогнули.

И вдруг случилось то, чего он явно не ожидал. Его зрачки судорожно расширились, почти полностью поглощая радужку. Он резко, со свистом втянул воздух, и его грудь замерла на вдохе.

— Что это... — прохрипел он. Его рука на моем запястье сжалась до боли, фиксируя нас в этом моменте. В его глазах вспыхнул не радостный свет, а почти яростное, дикое изумление.

— Это холод гор и горечь трав, — шептала я. — Вы чувствуете?

Дариан зажмурился, его лицо исказилось.

— Я вижу... синий цвет, — выдохнул он. — Боги... оно колет. Оно живое.

Он открыл глаза. В них была первобытная растерянность, смешанная с пугающей жаждой. Он не отпустил мою руку — напротив, он прижал мое запястье к своему лицу, почти вжимаясь в мою кожу, будто хотел выпить этот аромат до последней капли.

— Это только капля, Генерал, — тихо сказала я. — Представьте, что я смогу сделать в лаборатории.

Внезапно дверь содрогнулась от властного удара.

— Генерал! — раздался за дверью тревожный голос. — Из канцелярии Графа Вальмона требуют немедленной выдачи Майи Эвергард! Инквизиторский обоз у ворот!

Дариан не отпустил моей руки. Напротив, его хватка стала еще более властной и собственнической. Его взгляд мгновенно снова стал ледяным, но теперь в нем горел огонь человека, который нашел сокровище и не намерен им делиться.

— Скажите им, — рявкнул Дариан, не сводя с меня своего тяжелого взгляда, — что в Ямах карантин. Любая попытка пересечь периметр без моего приказа будет рассматриваться как акт прямой военной агрессии против Легиона. С передачей дела в трибунал.

Он наклонился к самому моему уху, обжигая кожу своим дыханием.

— Похоже, Майя, наша сделка началась. Надеюсь, вы действительно так хороши. Потому что теперь я за вас костями лягу, но Аларику не отдам. Никогда. Вы стали слишком дорогим ресурсом, чтобы возвращать его такому ничтожеству. И не думайте, что эта защита достанется вам даром.

Я сглотнула, чувствуя, как по спине ползет холодный пот. Дариан защищал не меня — он защищал свою единственную надежду снова стать живым. А такие люди не знают милосердия к тем, кто им принадлежит.

Глава 6. Мыло из пепла

Быть «ресурсом» под личной ответственностью Генерала — это, как выяснилось, сомнительная привилегия. С одной стороны, меня больше не пытались прирезать в коридоре за кожаные ботинки, а с другой — я чувствовала себя редким, потенциально опасным зверем в клетке, за которым наблюдают через оптический прицел.

Моя новая «лаборатория» располагалась в техническом закутке жилого блока. Это была тесная комната с холодными металлическими столами, вытяжкой, которая при включении гудела как заходящий на посадку самолет, и стеллажами, забитыми реактивами сомнительного качества. Но для меня это был настоящий храм. После липких, провонявших безнадегой барачков этот пахнувший спиртом, хлоркой и стерильностью угол казался персональным раем. Здесь я снова была хозяйкой положения, а не просто заключенной №412.

Руки, благодаря мощному магическому регенерату Дариана, затянулись пугающе быстро. Молодая кожа была еще розовой, тонкой и болезненно чувствительной к любому прикосновению, но я уже могла уверенно держать пробирки и мерные ложки. И первое, что я захотела сделать — это не «биологический мостик» для Генерала, как мы договаривались. Я хотела смыть с себя этот мир. Буквально.

В Смоговых Ямах всё пахло одинаково: гарью, пережаренным маслом, серным дымом и кислым супом. Этот запах был везде. Он въедался в поры, в волосы, под ногти, он пропитывал саму душу, лишая тебя лица и превращая в часть серой, безликой массы. А я была Майей из Аркенсталя. Я привыкла к аромату чистого хлопка, нероли и утренней росы. Если я не верну себе ощущение элементарной чистоты, я просто сойду с ума раньше, чем инквизиция доберется до ворот.

— Что это за мусор? — Дариан возник в дверях так тихо, что я едва не выронила банку с едким натром.

Он снова был в своем привычном амплуа: черная форма, застегнутая на все пуговицы, ледяной, сканирующий взгляд и полная, пугающая пустота на месте запаха. Он смотрел на внушительную кучу древесной золы, которую я буквально выпросила у поваров пищеблока, и на кастрюлю с тяжелым, перетопленным жиром.

— Это не мусор, Генерал. Это фундамент моей цивилизации, — я даже не обернулась, сосредоточенно смешивая щелочной раствор. Стекланная палочка ритмично позвякивала о края сосуда. — Если вы хотите, чтобы я эффективно работала с вашими нервными окончаниями, я должна сама чувствовать себя человеком. А человек, Генерал, начинается с куска хорошего мыла и чувства собственного достоинства.

Дариан сделал шаг внутрь. Пространство маленькой комнаты мгновенно сжалось, став душным. Он был слишком масштабным, слишком живым и мощным для этого технического закутка. Я чувствовала его присутствие спиной — как физическое давление.

— Вы тратите казенные реактивы и свое время на то, чтобы... просто помыться? — в его голосе прозвучала опасная, вибрирующая нота. — Я жду результатов по нашему договору, Майя. Инквизиторский обоз уже запрашивает протоколы, а вы варите косметику. Вы понимаете, что я рискую репутацией Легиона, скрывая вас здесь?

Я резко повернулась, сжимая в руке стеклянную палочку как оружие. Мои глаза встретились с его серыми, холодными глазами.

— Послушайте меня внимательно, — мой голос был тихим, но в нем звенела сталь, не уступавшая его собственной. — Мой мозг — это тоже инструмент. И этот инструмент сейчас работает на пределе возможностей в условиях тотального стресса. Мне жизненно необходимо смыть с себя запах вашего «гостеприимства», чтобы я могла сосредоточиться на молекулярных связях вашего проклятия. Это мыло будет пахнуть мятой, чистотой и покоем. И если вы не

хотите, чтобы я в следующий раз вместо лекарства синтезировала вам что-то парализующее, дайте мне закончить. Мне нужна эта передышка.

Дариан сузил глаза. Его рука непроизвольно дернулась, будто он хотел снова схватить меня за подбородок, подчиняя своей воле, но он сдержался. Просто стоял и смотрел, как я осторожно, тонкой струйкой вливаю щелочь в жир.

— Вы сумасшедшая, — констатировал он, но в его голосе я уловила тень странного уважения.

— Я просто профессионал. Смотрите, сейчас начнется магия, которую ваши жрецы никогда не поймут. Процесс омыления. Физика превращения грязи в чистоту.

Я начала интенсивно мешать смесь. Тяжелая, сероватая масса на глазах начала менять структуру, превращаясь в нечто нежное, перламутрово-кремовое. В самый последний момент я добавила туда каплю концентрата мяты — того самого, от которого Генерал вчера едва не потерял равновесие. Аромат мгновенно заполнил комнату, победно пробиваясь сквозь вонь мощной вытяжки.

Дариан заметно дернулся. Его ноздри снова судорожно, почти хищно дрогнули. Он смотрел на кастрюлю так, будто там на его глазах рождалась новая вселенная. Для него, запертого в сером безвоздушном пространстве, так и было. Каждая молекула этого запаха была для него как первый глоток воды для умирающего в пустыне.

— Опять... синий цвет... — прошептала он, непроизвольно подаваясь вперед. — Я вижу его в этом мареве.

— Это мята, Генерал. Холод, лед и абсолютная чистота. То, чего этому месту не хватает больше всего.

Я аккуратно разлила массу по формам. Мои руки мелко дрожали от усталости и боли, но внутри пело дикое торжество. Я сделала это. Среди ржавчины, гари и вечного смога я создала нечто прекрасное и правильное. Пусть мылу еще нужно время, чтобы «созреть», но сам факт его существования возвращал мне силы бороться дальше.

Тем временем в Аэтерне...

Граф Аларик Вальмон с яростным воплем швырнул тяжелый хрустальный флакон в мраморную стену. Дорогие духи брызнули во все стороны, впитываясь в ковры, но вместо ожидаемого шлейфа аристократического триумфа по роскошной спальне мгновенно распространился тошнотворный, липкий запах гнилой стоячей воды и старой тины.

— Это невозможно! Это бред! — проорал он, вцепляясь в свои золотистые волосы так, что костяшки пальцев побелели. — Вызовите главного мастера-дистиллятора! Немедленно!

Его любовница, баронесса Лилиан, сидела на шелковой кушетке, безгловно прижимая к носу кружевной платок, обильно смоченный другими духами. Её личико, обычно кукольно-прекрасное, сейчас было перекошено от отвращения.

— Аларик, дорогой... — она замялась, подбирая слова. — От тебя... ну, понимаешь, от тебя пахнет болотом. Твой Источник... он словно гниет изнутри. Это становится невыносимым. Слуги уже шепчутся по углам.

Аларик в ужасе посмотрел на свои руки. Его кожа, всегда безупречная и сияющая, стала какой-то тусклой, приобретя нездоровый сероватый оттенок. Магия Вальмонов, их знаменитый «Аромат Власти», который веками позволял им подчинять волю толпы и диктовать условия Императору, буквально утекал сквозь пальцы, превращаясь в вонючую жижу. Без Майи, которая последние месяцы тайно стабилизировала Источник сложными химическими присадками, древний артефакт в подземельях поместья превращался в кусок бесполезного, разлагающегося камня.

— Это всё она! — Аларик со всей силы ударил кулаком по массивному столу. — Дрянная, лживая иномирянка! Она что-то сделала с Источником перед тем, как её увели! Она отравила его, я уверен!

Он знал, что нагло лжет сам себе. Он прекрасно помнил, как сам, в припадке самодовольства, решил добавить в Источник нестабильные соли из Нижних Земель, проигнорировав все предостережения Майи. Он хотел усилить мощь аромата власти, а в итоге спровоцировал обычную химическую реакцию разложения. Но признать это означало признать собственную ничтожность без своей «пустой» и «дефектной» жены.

— Ваше Сиятельство... — в комнату, задыхаясь от быстрого бега, вбежал перепуганный секретарь. Он старался не дышать глубоко, чувствуя исходящее от графа зловоние. — Пришли вести из Смоговых Ям. Генерал Дариан официально отказался выдавать заключенную Эвергард. Он объявил в своем секторе полный карантин из-за какой-то «технической угрозы».

Аларик замер. Его глаза налились нехорошим, кровавым блеском.

— Карантин? У этой стальной марионетки? Он возомнил, что может диктовать условия Совету, прикрываясь своим Легионом? — Аларик хищно, по-звериному улыбнулся, и эта улыбка выглядела особенно жутко на его посеревшем, осунувшемся лице. — Хорошо. Если он не хочет отдавать её по-хорошему, мы сменим правила игры. Свяжитесь с инспектором Ване. Скажите, что я удвою... нет, утрою вознаграждение.

— Что именно он должен сделать, милорд? — шепнула Лилиан, в чьих глазах загорелся злой огонек.

— Он должен найти в её вещах неопровержимые следы магической порчи. «Черную гниль». То самое проклятие, которое сейчас губит мой Источник. И как только он обнаружит эту колбу... он имеет право казнить её на месте. По закону военного положения. Никаких долгов судов. Никаких возвращений в столицу. Майя Эвергард должна исчезнуть навсегда, прежде чем кто-то поймет, что Источник Вальмонов без неё — это просто куча вонючего хлама.

Смоговые Ямы. Спустя два дня.

Я сидела в своей лаборатории, осторожно, почти любовно нарезаю застывшее мыло на ровные бруски. Оно получилось идеальным — перламутрово-белым, гладким и пахнущим так свежо, что у меня непроизвольно наворачивались слезы. Я впервые за всё время в этом мире чувствовала себя не просто заключенной №412 или «ресурсом», а женщиной. Человеком, у которого есть право на чистоту.

Дверь в технический блок с грохотом распахнулась, ударившись о металлическую стену. Я услышала тяжелый топот множества ног и лязг оружия, который ни с чем не спутаешь. Это не были люди Дариана. Его солдаты ходили иначе — сдержанно, четко и слаженно. Эти же двигались с суетой, наглым шумом и каким-то особенным, столичным высокомерием.

— Именем Совета! Всем оставаться на своих местах! — прогремел чужой, неприятно маслянистый голос.

Я вышла в общий коридор, до боли сжимая в руке брусок мыла. В холле стояла группа людей в богатых, расшитых золотом мантиях инспекторов. В самом центре, сложив руки на животе, возвышался мужчина с длинным, крючковатым носом и маленькими бегающими глазками — инспектор Ване. Рядом с ним я увидела Дариана.

Генерал выглядел так, будто готов был начать убивать прямо сейчас. Его челюсть была сжата до хруста, а ладонь лежала на рукояти тяжелого меча. Но инспекторы имели мандат Совета — высшую юридическую силу в Империи. Даже Дариан не мог просто вышвырнуть их без веской причины, не спровоцировав гражданскую войну.

— Мы получили официальный донос, Генерал, — сладко, почти нараспев произнес Ване, театрально доставая из папки свиток с тяжелой сургучной печатью. — Утверждается, что ваша новая... подопечная тайно практикует запрещенную черную алхимию. Говорят, она привезла из столицы частицы «Черной гнили», которые могут отравить всё производство Ям. Мы обязаны провести немедленный обыск и дознание по всей строгости.

Ване медленно повернулся ко мне. В его взгляде не было ни капли правосудия. Там был только сухой расчет и блеск золотых монет, обещанных моим мужем.

— Вот она, — он указал на меня длинным, сухим пальцем. — Дефектная Майя Эвергард. Взять её под стражу! Обыскать лабораторию! Если найдете хоть малейший след порчи — казнь на месте. Приказ Совета не терпит проволочек.

Стражники инспекции, грубо расталкивая людей, бросились ко мне. Я увидела, как Дариан молниеносно сделал шаг вперед, перекрывая им путь своей массивной фигурой. Воздух вокруг него буквально задрожал, наэлектризованный магическим напряжением.

— Она под моим личным протекторатом, Ване, — прорычал Генерал, и его голос был похож на рык раненого зверя. — Вы не коснетесь её пальцем без веских, неоспоримых улик. Здесь команду я.

— Улики будут, Генерал, я в этом несколько не сомневаюсь, — медоточиво ухмыльнулся инспектор. — Обыскать всё! Каждую щель, каждую пробирку!

Я посмотрела на Дариана. В его глазах на короткое мгновение промелькнул вопрос. Он не знал, лгу я ему или нет. Он видел, как я варила это странное мыло из золы и жира. Он видел мои реактивы, происхождение которых было сомнительным. Он сомневался во мне, и это ранило больше всего.

«Аларик, ты всё-таки пришел за мной», — подумала я, чувствуя, как холодный пот липкой струйкой стекает по позвоночнику.

В этот момент один из стражников Ване с торжествующим воплем вывалил на пол содержимое моего рабочего стола. Среди пробирок, весов и кусков мыла по металлу покатились небольшая, плотно запечатанная темным воском колба, которой я никогда раньше не видела. Внутри неё колыхалась черная, маслянистая субстанция, от которой даже через стекло веяло тошнотворным запахом разложения и смерти.

— Вот оно! — Ване вскинул руку вверх, указывая на находку. — Магическая порча! Смертный грех против Империи! Стража, исполнять приговор!

Я увидела, как мечи с лязгом покинули ножны. Дариан замер, глядя на черную колбу. Его мир был по-прежнему лишен запаха, он не мог почувствовать то, что чувствовала я.

А я чувствовала... я отчетливо слышала в этом «трупном» запахе тончайшую, едва уловимую ноту бергамота. Это был фирменный почерк Аларика. Это была его ловушка. И она только что захлопнулась прямо у меня на шее.

Глава 7. Инспекторский нос

Секунды растянулись в бесконечность, превращаясь в тягучую, липкую смолу. В ушах звенело от резкого лязга вынимаемых из ножен мечей — этот звук в стерильной тишине блока Дариана казался громом среди ясного неба. Инспектор Ване победно скалился, указывая на черную колбу с подброшенной гнилью. Стража уже подалась вперед, их тяжелые сапоги выбивали по металлу пола дробь, предвещающую мою скорую гибель. Я видела, как ладонь Дариана медленно ложится на эфес его тяжелого меча. В этот момент я отчетливо поняла: если сейчас прольется кровь, мы оба не доживем до рассвета. Столица не прощает нападения на инспекторов Совета.

— Стоять! — рык Дариана заставил стражников замереть на месте. — Я сам проверю содержимое. Отойдите от стола. Немедленно.

Воспользовавшись секундным замешательством Ване, Генерал резко шагнул ко мне. Его движение было настолько стремительным, что инспектор даже не успел пискнуть. Прежде чем я успела сообразить, что происходит, Дариан железной хваткой вцепился в мой локоть и буквально сорвал меня с места, увлекая за собой в тень технического отсека.

— Внутрь. Живо, — выдохнул он мне в самое ухо.

Он толкнул меня в узкую дверь технической кладовой — крошечного помещения, забитого канистрами с реактивами и стеллажами с пустыми пробирками. Дариан ввалился следом, с грохотом захлопнув стальную дверь и мгновенно защелкнув массивный засов изнутри.

В кладовой воцарилась крошечная тьма. Только тонкая полоска света из-под двери резала пол.

— Генерал?! — донесся снаружи яростный вопль Ване. — Что это значит? Вы препятствуете обыску?! Выламывайте дверь! Живо! Я знаю, что ты там, дефектная! Громите здесь всё, ищите любые другие улики этой скверны!

Я жалась спиной в холодные металлические стеллажи. Места не было совсем. Дариан стоял вплотную ко мне — массивная, раскаленная гора мышц и стали. В этой тесноте я физически ощущала, как его грудь тяжело вздымается в такт моему бешеному пульсу. Мы были настолько близко, что я слышала скрип его кожаного кителя при каждом микродвижении.

— Молчи, — прошептал он. Его голос был таким низким, что я скорее почувствовала его костями, чем услышала.

Снаружи слышались тяжелые шаги и звон бьющегося стекла. Они начали методично крушить мою лабораторию. Каждая разбитая колба, каждый звук разрушения моих инструментов отдавался физической болью в груди. Лицо Дариана в полумраке казалось высеченным из камня, челюсти были сжаты так сильно, что кожа на скулах натянулась до белизны. Он не давал мне пошевелиться, буквально прижимая своим телом к стеллажу. Он наклонился еще ниже, прикрывая меня собой от возможного удара в дверь.

Я дернулась, желая закричать, что колба с гнилью — это грубая подделка, но Дариан среагировал мгновенно. Его ладонь, огромная и горячая, накрыла мой рот, фиксируя мою голову. Его пальцы пахли сталью и тем самым магическим регенератом, которым он лечил мои ожоги.

— Не. Смей. Издавать. Ни. Звука, — чеканил он каждое слово прямо мне в лицо.

Я замерла, боясь даже вздохнуть. От Генерала исходил жар, почти невыносимый в этом замкнутом пространстве. Его тело плотно прижимало меня к полкам, и я чувствовала каждую пуговицу на его кителе. Под моими ладонями, которые я инстинктивно уперла в его грудь, я ощущала мощный, ровный, но подозрительно быстрый стук его сердца. Железный Пес нервничал. Этот человек, прошедший через сотни сражений, сейчас дышал так, будто сам находился на краю пропасти.

— Вы... вы ничего не чувствуете, — одними губами прошептала я в его ладонь, когда он чуть ослабил хватку. — Они подбросили эту дрянь. Это ловушка Аларика. Я не краля никакой Источник, Дариан! Это всё ложь.

Дариан молчал, вглядываясь в темноту.

— Я знаю, что это ловушка, Майя, — так же тихо ответил он. — Но Ване нужна любая улика, чтобы исполнить приговор на месте. Им не нужен суд, им нужна твоя смерть. Мне нужно время, чтобы мои люди оцепили сектор. Если ты сейчас выйдешь — они тебя убьют. Ты понимаешь это?

Я судорожно кивнула. Снова Аларик пытается стереть меня, как досадную ошибку. Снаружи раздался оглушительный грохот — видимо, стражники сбросили на пол мой тяжелый стол.

— Инспектор! — крикнул один из стражников. — Посмотрите на это! Какие-то белые камни в формах!

Я похолодела. Мое мыло. Единственный результат моей работы за последние дни.

— Что это за дрянь? — брезгливый голос Ване приблизился к двери. Я слышала его дыхание прямо за сталью. — Очередное запретное зелье? Или она пыталась сварить здесь...

Наступила тишина. Долгая, невыносимая пауза. Дариан прикрыл меня собой, готовый в любую секунду выбить засов и принять бой. Я видела, как его рука до белизны в костяшках сжала эфес меча.

— Боги... — голос Ване внезапно изменился. В нем больше не было злобы. Только суеверный ужас, смешанный с восторгом. — Что это за запах? Откуда здесь магия высших сфер?! Пахнет фиалками! Дикими фиалками!

Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод. В моем мыле не было магии — только химически выделенный экстракт. Но для людей этого мира, привыкших, что любой чистый аромат — это признак благословения богов, мой кусок мыла из пепла стал невозможным артефактом.

— Это невозможно... — Ване, судя по звуку, выронил брусок из рук. — Дефектная не могла создать такое. Это кошунство! Она что, действительно ограбила Родовой Источник Вальмонов и переплавил его в эти камни?!

Дариан резко отстранился от меня. Он понял, что ситуация изменилась.

— Я не краля Источник! — прошептала я, вцепившись в его рукав. — Это просто химия, Дариан! Поймите же вы!

— Для них «просто запах» — это либо божественное откровение, либо государственная измена, — отрезал он. — Сиди здесь. Не выходи, пока я не позову.

Он рывком отодвинул засов и буквально вылетел из кладовой, закрыв за собой дверь. Я прильнула к узкой щели.

В лаборатории Ване стоял на коленях посреди разбитых колб, держа в дрожащих руках мое белое мыло. Его стражники опустили мечи, глядя на брусок с суеверным благоговением. Запах фиалок — яркий и свежий — заполнял комнату, полностью вытесняя вонь подброшенной колбы.

— Генерал! — Ване вскинул голову. — Объясните! Ваша заключенная владеет секретом, который может перевернуть мир! Откуда у неё фиалки?! Вы понимаете, что за это знание Совет отдаст всё?!

Дариан стоял посреди разгрома, скрестив руки на груди. Он выглядел абсолютно спокойным.

— Успокойтесь, инспектор, — голос Генерала гремел под сводами. — Вы сами только что доказали, что ваши обвинения в «гнили» — полная чушь. Посмотрите на это мыло. В нашем мире запах — это правда. Если бы эта женщина действительно несла в себе гниль, её руки никогда не создали бы ничего столь чистого. Гниль убивает жизнь и аромат, она не умеет

их порождать. Тот факт, что здесь пахнет весной, означает только одно: колба на полу — это дешевая фальшивка. Кто-то очень хотел подставить её, но не учел, что её работа безупречна.

Ване замер, переводя взгляд с белого мыла на разбитую черную колбу. Логика Дариана, опирающаяся на фундаментальные верования этого мира о чистоте, была сокрушительной.

— Это... это невероятно, — пробормотал инспектор. — Но я всё равно заберу этот образец в столицу. Если Инквизиция подтвердит, что это рукотворный аромат такой силы... вы оба ответите перед Императором. Это вызов всей системе Вердена. А до тех пор Майя Эвергард считается объектом государственного значения. Под мою личную ответственность. Мы выставим стражу.

Когда шаги инспекции затихли, я вышла из кладовой. Лаборатория была в руинах. Осколки стекла хрустели под моими подошвами. Я посмотрела на широкую спину Дариана, который стоял у окна. Он защитил меня, но цена этого спасения была пугающей.

Ну что же, Майя, — подумала я, поднимая с пола обломок штатива. — *Хотела просто отмыться от этой грязи, а в итоге превратила обычный кусок мыла в оружие. В мире, где запах — это магия и власть, я только что поставила под сомнение святость их Источников. Аларик, ты хотел подставить меня с гнилью, чтобы избавиться от лишнего свидетеля? Теперь ты будешь вздрагивать от каждой тени. Потому что твой трон пахнет разложением, а мой кусок мыла — переменами, которые ты уже не сможешь остановить.*

Я подошла к окну и встала рядом с Дарианом. Теперь я больше не была просто заключенной. Я стала целью. И Генерал, судя по его окаменевшему лицу, понимал это гораздо лучше меня.

— Ты понимаешь, что ты сделала? — тихо спросил он, не поворачивая головы.

— Я просто сварила мыло, Дариан, — ответила я, глядя на свои дрожащие руки.

— Нет, Майя. Ты создала чудо в месте, где чудеса разрешены только аристократии. И теперь я не знаю, смогу ли я удержать тебя здесь, когда за тобой придет весь мир.

Я промолчала, но внутри уже знала ответ. Я не собираюсь сидеть в клетке. Если химия может творить такие вещи, значит, пришло время показать этому миру, на что способна настоящая наука.

Глава 8. Урок анатомии

После ухода Ване в лаборатории воцарилась тишина, которую можно было резать ножом. Запах фиалок — мой маленький триумф, созданный буквально из пепла и грязи — всё еще висел в воздухе, и в этом индустриальном склепе он казался чем-то вызывающе интимным, почти чужеродным. Магические лампы под потолком слегка гудели, отбрасывая мертвенно-белые, стерильные блики на металлические поверхности столов и ряды пробирок. Дариан замер у окна, заложив руки за спину. Его массивный силуэт на фоне багрового, затянутого ядовитым смогом неба Ям напоминал изваяние из черного гранита, высеченное древним и очень злым мастером. Он казался неотъемлемой частью этой огромной машинерии, такой же незыблемой, холодной и лишенной сердца.

Я чувствовала, как между нами натягивается невидимая нить. Каждое моё движение отдавалось эхом в этом пустом пространстве.

— Нам нужно продолжить, — мой голос предательски дрогнул в начале фразы, и я поспешила добавить в него напускной, сухой деловитости, чтобы скрыть собственное волнение. — Капли на запястье было достаточно, чтобы пробить блокаду на мгновение, но этого катастрофически мало для стойкого результата. Мне нужно понять, как именно ваше тело реагирует на внешние стимулы там, где узлы восприятия наиболее активны и наиболее близки к поверхности кожи.

Дариан медленно обернулся. Его взгляд был тяжелым, сканирующим, пробирающим до самого позвоночника, словно он пытался заглянуть в мои мысли и найти там скрытый умысел. Он не спрашивал «зачем», не требовал доказательств необходимости этой процедуры. Он просто ждал, оценивая мою решимость и ту наглость, с которой я диктовала условия.

— Снимите мундир, Генерал. И рубашку.

В воздухе словно лопнула невидимая струна. В его мире, где всё — от пуговицы на воротнике до блеска сапог — подчинено строгой иерархии и силе, приказ женщины, да еще и официально признанной «дефектной» заключенной, фактически разоружить его, лишив защитной оболочки формы, — это был дерзкий вызов. Его пальцы, привыкшие к рукояти тяжелого меча и рычагам управления заводом, легли на верхнюю пуговицу. Медленно, не сводя с меня пристального, почти гипнотического взгляда, он начал расстегивать плотную черную ткань. Лязг металла о металл, сухой шорох тяжелой кожи кителя, тихий, едва уловимый вздох снимаемой рубашки.

Когда он отбросил одежду на спинку стула, я на мгновение забыла, как дышать. Пространство лаборатории внезапно стало слишком тесным, слишком душным для нас двоих. Холодный свет ламп подчеркивал каждую линию его тела, превращая его в анатомическое пособие по выживанию.

Его тело было живой, болезненной картой бесконечной войны, написанной не чернилами, а кровью и сталью. Мощные пласты мускулов, четко очерченные, твердые и абсолютно функциональные, были иссечены шрамами всех мастей. Глубокая борозда на плече, рваный след под ребрами, напоминавший о близком знакомстве с артиллерийским осколком... Но страшнее и в то же время притягательнее всего были серебристые нити магической паутины, расходящиеся от основания шеи по всей груди. Это были следы того самого проклятия аномии — застывшие молнии, которые выжгли его чувства, оставив вместо них лишь функциональную пустоту. Они слегка мерцали в белом свете, и мне казалось, что я вижу, как они пульсируют в такт его сердцу.

— Смотрите внимательнее, Майя, — в его голосе прозвучала опасная нотка, от которой по моей коже пробежал вполне физический холодок. — Это то, что осталось от человека, кото-

рый когда-то имел наглость считать, что он управляет своей жизнью. Изучайте руины, если вам так угодно.

Я подошла ближе. Настолько близко, что нарушение всех протоколов безопасности стало свершившимся фактом. От него исходил жар — не просто тепло человеческого тела, а тяжелый, почти лихорадочный зной, который окутал меня невидимым коконом. Моё сердце забилося где-то в самом горле, мешая говорить. Я взяла тонкую стеклянную палочку — мой единственный инструмент и единственную защиту в этой странной дуэли. Мои пальцы мелко дрожали, когда я впервые коснулась кончиком холодного стекла его правого плеча.

Контраст между ледяной поверхностью инструмента и его пылающей кожей был почти физически болезненным. Я медленно вела палочкой вдоль ключицы, стараясь концентрироваться на текстуре кожи и расположении нервных окончаний, а не на том, какой мощью обладает этот человек. Дариан стоял неподвижно, как гранитная скала, но я видела, как под моим осторожным прикосновением мгновенно напрягаются его мышцы, превращаясь в непробиваемый монолит. Его дыхание стало тяжелым, прерывистым, а в глубине серых глаз на мгновение вспыхнуло что-то дикое, подавленное многолетней муштрой.

— Почему «Железный Пес»? — тихо спросила я, проводя инструментом по шраму на его груди, прямо там, где серебристая нить проклятия пересекала старый рубец. — В столице говорят, что это прозвище — награда за вашу беспощадность к врагам и союзникам. Но я вижу здесь только бесконечное, глухое одиночество человека, запертого в собственной голове.

Дариан резко выдохнул, и его широкая грудная клетка на глубоком вдохе почти коснулась моих пальцев. Я почувствовала исходящую от него энергию — первобытную, темную и абсолютно неконтролируемую.

— Беспощадность — это всего лишь высшая форма эффективности, — он горько усмехнулся, и эта улыбка была похожа на трещину в леднике. — Когда магический удар лишил меня нюха и вкуса, мой наставник в Академии не стал соболезовать. Он сказал: «Теперь ты идеален, Дариан. Теперь ты — совершенное оружие, лишённое отвлекающих факторов». Солдат, который не чувствует вони гниющих трупов на поле боя, не знает первобытного страха. Солдат, которого невозможно соблазнить ароматом благовоний или сбить с толку химическим туманом, — непобедим. Я принял это имя, потому что мир для меня стал пресным, как дистиллированная вода. Я перестал быть человеком и стал функцией, Железным Псом, охраняющим покой Империи, которая меня же и вычеркнула из списков живых.

Я перешла к его шее, проводя палочкой за ухом, там, где кожа была особенно тонкой и беззащитной. Я была так близко, что ощущала его естественный запах — чистый, горячий, пахнущий озоном и разогретым металлом. Это был единственный аромат в этом мире, который не нуждался в моей химии, чтобы я его услышала. Моя рука случайно задела его плечо, и я ощутила, как по его телу прошла судорожная волна напряжения, словно через него пропустили мощный электрический разряд.

— Но вы не машина, Дариан, — шептала я, почти теряя нить своего профессионального исследования. — Вы человек, заключенный в абсолютный вакуум. И это отсутствие чувств... оно ведь медленно сводит вас с ума, верно? Эмоции не исчезают только потому, что вы их не «слышите». Они копят под кожей, превращаясь в тяжелый, опасный свинец, который однажды разорвет вас изнутри.

Дариан внезапно, молниеносным движением, которое я даже не успела зафиксировать, перехватил мое запястье. Его ладонь была огромной, сухой и обжигающей. Он медленно повернул голову, заставляя меня встретиться с ним взглядом. Наши лица оказались в считанных сантиметрах друг от друга.

Я видела каждую крапинку в его серых глазах, видела, как расширяются его зрачки, поглощая радужку в этой темной, неосознанной им самим страсти. Он не чувствовал моего

присутствия так, как чувствую его я, но он ощущал мой ритм, мое тепло и мой затаенный страх, который теперь мешался с чем-то куда более глубоким и опасным.

— Ты действительно думаешь, что спасаешь меня, Майя? — его голос вибрировал в самой моей груди, откликаясь дрожью в коленях. — Ты думаешь, что, вернув мне восприятие, ты сделаешь меня «лучше» или «человечнее»? Ты играешь с силами, масштаб которых не в состоянии осознать. Ты хочешь вернуть чувства тому, кто научился убивать без тени сомнения именно потому, что он ничего не чувствует.

Он потянул мою руку к своей груди, силой заставляя мою ладонь полностью лечь на его горячую кожу, прямо над сердцем. Оно колотилось с такой сокрушительной, первобытной силой, что удары отдавались в моих кончиках пальцев, прошивая всё тело электрическим током.

— Я тринадцать лет ковал в себе эту сталь, подавляя всё живое, всё, что делало меня уязвимым. Боль, гнев, привязанности — я превратил их в дисциплину. Если ты сломаешь эту плотину... если ты вернешь мне способность чувствовать этот мир во всей его пугающей, ослепительной яркости...

Его пальцы сжались на моем запястье сильнее, фиксируя нас в этом моменте, отрезая любой путь к отступлению.

— Если ты вернешь мне нюх, Майя, я стану самым опасным зверем в империи. Я почувствую не только ваши фиалки. Я почувствую запах страха своих врагов прежде, чем они вытащат клинки. Я почувствую... тебя. Твой сбившийся пульс, твою кожу, твоё волнение. И я не смогу остановиться, пока не сделаю тебя своей частью, пока не выпью это новое чувство до самого дна. Я стану одержим этим миром, потому что голодал слишком долго.

Он наклонился к самому моему лицу, и его взгляд стал почти пугающим в своей нечеловеческой концентрации.

— Ты готова к ответственности за то, что создаешь? Готова ли ты выпустить на волю хищника, которого ты так старательно пытаешься «исцелить»? Потому что, когда я почувствую тебя по-настоящему... я больше никогда тебя не отпущу. Ни ради твоего мужа, ни ради твоей призрачной свободы. Ты станешь моим единственным ориентиром в этом хаосе.

Я смотрела в его глаза, видя в них отражение собственного отражения, и понимала, что эта игра в профессиональное исследование закончилась. Я не просто создавала лекарство для Генерала. Я собирала по частям ключи от клетки, в которой был заперт самый опасный человек в империи, и я сама же добровольно входила в эту клетку вместе с ним.

— Готова, — выдохнула я, не отводя взгляда и принимая его условия игры. — Потому что я лучше буду стоять рядом с живым хищником, чем существовать рядом с мертвой машиной. Даже если этот хищник однажды разорвет мой мир на части.

Дариан долго, бесконечно долго изучал мое лицо, словно искал в нем тень лжи или секундного сомнения, а затем резко, почти грубо отпустил мою руку. Он схватил мундир, одним движением скрывая свои шрамы и свою внезапную, обнаженную уязвимость под черной жесткой кожей.

— Заканчивай свои процедуры, Майя, — бросил он через плечо, и его голос снова стал стальным, сухим, лишенным недавней хрипоты. — Завтра мы идем на нижние уровни к рабочим. Посмотрим, как твои составы справятся с настоящей вонью безнадеги и грязью. И помни... ты сама сделала этот выбор. Обратного пути к «дефектной» и тихой жизни больше не будет.

Я осталась стоять у металлического стола, сжимая в похолодевших руках стеклянную палочку. Мои пальцы всё еще хранили обжигающий жар его кожи и эхо бешеного стука его сердца. Я знала: мы перешли черту, за которой наука кончается и начинается нечто первобытное. Я либо стану его спасением, либо той самой искрой, от которой взорвется этот огромный, пропитанный смогом и ложью пороховой погреб под названием Империя.

Глава 9. Горький миндаль

Эхо вчерашнего эксперимента всё еще вибрировало в моих пальцах. Стоило мне закрыть глаза, как я снова чувствовала под ладонью обжигающий жар кожи Дариана и бешено колотящийся ритм его сердца. Мы перешли черту, за которой я перестала быть просто заключенной, а он — просто надзирателем. Мы стали соучастниками в создании чего-то пугающего и великого.

Но утро встретило меня стальным блеском мундиров и ледяным спокойствием Генерала. Он вел себя так, будто тех мгновений в полумраке лаборатории никогда не существовало. Его голос снова стал сухим, движения — скупыми и властными.

— Офицерский ужин — это обязанность, а не развлечение, Майя, — бросил он, когда меня привели в столовую залу жилого блока. — Но сегодня вы будете сидеть по правую руку от меня. Нам нужно продемонстрировать инспекции и моим офицерам, что «ресурс» находится под полным контролем. И что ваша ценность выше, чем кажется на первый взгляд.

Зал для приемов в Смоговых Ямах выглядел как попытка совместить имперскую роскошь с эстетикой литейного цеха. Массивные балки из вороненой стали поддерживали свод, а тяжелые канделябры с магическими огнями отбрасывали длинные, резкие тени на стены из необработанного камня. Тяжелые портьеры из темного бархата едва колыхались, скрывая за собой холодный металл стен. Длинный стол из мореного дуба, за которым уже сидели высшие чины Легиона, пах старым деревом, воском и чем-то неуловимо тревожным.

Я чувствовала себя экзотической птицей, запертой в клетке с голодными волками. На мне было платье из темно-серого шелка — простое, почти аскетичное, но подчеркивающее каждую линию фигуры. Офицеры провожали меня взглядами, в которых читалось не только презрение к «дефектной», но и опасное, почти осязаемое любопытство. Воздух в зале был перенасыщен запахами: дорогая оружейная смазка, крепкий табак, исходивший от мундиров, и аромат жареного мяса, который казался слишком агрессивным в этой напряженной тишине.

— Наш Генерал нашел себе весьма необычное украшение, — подал голос полковник Вареш, мужчина с лицом, изборожденным шрамами, которые в свете магических ламп отливали фиолетовым. Он медленно вертел в руках массивный кубок, и я чувствовала от него тяжелый, землистый аромат выдержанного бренди. — Слышал, в столице за такие «украшения» велись дуэли. А здесь мы кормим их за общим столом, пока наши солдаты глотают пыль в нижних секторах.

— Майя Эвергард — не украшение, полковник, — голос Дариана прозвучал как удар молота по наковальне, заставив Вареша мгновенно умолкнуть. — Она — специалист, чьи знания спасли пятый сектор от детонации. Если кто-то из вас считает, что его личные заслуги перед Империей выше, чем спасение всего производства Ям, я готов выслушать это в тренировочном зале. С мечами в руках.

За столом воцарилась тяжелая, свинцовая тишина. Дариан сел во главе, и я заняла свое место рядом с ним, кожей ощущая исходящий от него холод. Его присутствие подавляло, но в то же время давало странное чувство защищенности.

Подали вино. Слуги в строгой форме, двигаясь бесшумно, как тени, разливали из тяжелых хрустальных графинов напиток глубокого, почти черного цвета. Вино густой струей падало в чаши, и я видела, как на его поверхности играют багровые блики.

— «Рубин Аэтерны», — объявил лейтенант Кэлин, молодой адъютант Генерала. У него были живые, искренние глаза и та самая обезоруживающая улыбка, которая казалась совершенно неуместной в этом суровом месте. — Личный подарок от торговых домов Вальмонов. Знак примирения и признания вклада Легиона в стабильность границ. Граф Аларик прислал

целую партию этого винтажа, чтобы сгладить «недопонимание» с инспекцией и лично поблагодарить Генерала за... гостеприимство.

При упоминании имени Аларика у меня внутри всё сжалось в ледяной комок. Я посмотрела на Дариана, но его лицо оставалось непроницаемым, как гранитный утес. Он взял свой кубок, и я заметила, как его пальцы — те самые, что вчера сжимали мое запястье, открывая мне бездну своего одиночества — уверенно легли на холодный металл.

Дариан не мог почувствовать подвоха. Для него это была просто жидкость, лишенная нюансов. Но мой нос, мой проклятый и благословенный инструмент, уже начал лихорадочно анализировать воздух.

Сначала до меня донесся богатый, бархатистый букет выдержанного винограда: ноты перезрелой вишни, терпкого чернослива и легкий, едва уловимый оттенок дубовой коры. Классический «Рубин», гордость южных поместий. Но когда Дариан поднес кубок ближе к лицу, я уловила нечто постороннее. Тонкую, острую, почти невидимую нить аромата, которая пронзила все остальные ноты, как игла.

Горький миндаль.

В этом вине не должно было быть миндаля. Ни в одной из стадий брожения, ни в одной из секретных добавок мастеров Вальмонов. Миндаль пах химической чистотой, ледяной стерильностью и... небытием. Этот аромат был слишком агрессивным, слишком настойчивым для натурального букета.

Я замерла, глядя, как свет магических ламп играет на маслянистой поверхности вина. Цвет... он был чуть более фиолетовым, чем у соседа. Едва заметный сдвиг в спектре, который мог означать только одно: в кубке растворено вещество, блокирующее передачу сигналов в клетках. Тот самый «миндальный вестник», который в моем мире называли цианидом.

Аларик. Это был его изящный, аристократичный стиль. Убрать Генерала, чья независимость начала пугать Совет. Сделать Ямы «бесхозными», чтобы Инквизиция Вальмонов могла зайти сюда под видом наведения порядка. И, конечно, избавиться от меня — живого свидетеля его позора и истинной причины упадка его Источника.

— Генерал, — тихо позвала я, едва коснувшись его рукава. Мои пальцы дрожали.

Дариан не обернулся. Он уже приподнял кубок, собираясь произнести традиционный тост Легиона. Офицеры, подражая своему командиру, дружно подняли свои чаши. В зале повисло ожидание — торжественное и тяжелое.

— За дисциплину и за сталь, которая не гнется под весом долга! — провозгласил Дариан, и его голос эхом отозвался под сводами.

— Подождите, — я сжала его предплечье сильнее, игнорируя протоколы и правила. — Не пейте. Прошу вас.

В зале снова повисла тишина, но теперь она была колючей, заряженной враждебностью. Полковник Вареш насмешливо приподнял бровь, глядя на меня сверху вниз.

— Наша гостья боится, что вино слишком крепкое для её нежной столичной натуры? Или в Этерне теперь принято прерывать тост главнокомандующего из-за мимолетного каприза? — он посмотрел на Дариана, ища поддержки. — Генерал, ваша «ищейка» забывает свое место.

— Вино... оно неверное, — я старалась, чтобы мой голос не дрожал, хотя внутри всё кричало от ужаса. — Посмотрите на оттенок, Генерал. Он не соответствует сорту. И запах... Вы не чувствуете, но оно пахнет миндалем. Слишком отчетливо, слишком искусственно. Это не букет вина, это реагент.

Кэлин, сидевший по другую сторону от Дариана, рассмеялся — легко, искренне, как человек, который еще не видел настоящей подлости. Он был так молод, и его преданность Генералу была почти фанатичной.

— Майя, бросьте! Вы слишком подозрительны. Это лучший винтаж Империи, его печати проверяли мои люди. Вальмоны могут быть интриганами, но они никогда не пришлют некачественное вино главнокомандующему. Это вопрос чести и политики.

Лейтенант, желая доказать безопасность напитка и, возможно, немного порисоваться перед «столичной штучкой», чьи страхи казались ему забавными, перехватил кубок, который Дариан уже начал медленно опускать на стол, услышав мою тревогу. Дариан смотрел на меня, и в его глазах я видела сомнение, боровшееся с инстинктом солдата.

— Если вы так боитесь за жизнь нашего Железного Пса, — Кэлин весело подмигнул мне, демонстрируя полное отсутствие страха, — я с радостью приму этот риск на себя. За ваше здоровье, Майя Эвергард. И за ваше потрясающее воображение!

— Кэлин, нет! Поставь кубок! — я вскочила, опрокидывая свой стул, который с грохотом ударился о камень, но он уже сделал большой, жадный глоток.

Я видела, как капля темного вина скатилась по его подбородку, оставляя на коже багровый след. Кэлин замер на мгновение, смакуя вкус, прислушиваясь к ощущениям. На его лице отразилось легкое недоумение.

— Хм, действительно... странный привкус. Холодный. И горчит сильнее, чем...

Он не договорил.

Его глаза внезапно расширились, зрачки мгновенно затопили радужку, превратив глаза в два огромных, пустых черных провала, в которых отразился ледяной свет магических огней. Кубок выпал из его ослабевшей руки, с оглушительным, жутким звоном ударившись о камень пола. Вино брызнуло на белоснежную скатерть, моментально расплываясь жутким, бесформенным чернильным пятном, которое казалось живым существом.

Кэлин судорожно схватился за горло, его лицо на глазах начало приобретать серовато-синий, мертвенный оттенок. Он попытался сделать вдох, но из его груди вырвался лишь хриплый, kloкочущий звук, раздражающий тишину зала. Он повалился вперед, сметая посуду и столовое серебро, которое с дребезгом разлетелось по столу.

— Кэлин! — Дариан вскочил, подхватывая своего адъютанта под плечи, но тело парня уже сотрясали страшные, ломающие кости конвульсии.

Всё произошло за считанные мгновения. Офицеры застыли, их лица превратились в маски немого ужаса. Аромат горького миндаля теперь заполнил всё пространство, он стал невыносимым, удушающим, липким. Это был запах измены, пахнувший безупречными манерами и ледяным расчетом Аларика Вальмона.

Лейтенант Кэлин затих на руках у своего командира. Его взгляд, еще мгновение назад полный жизни и веселья, теперь остекленел, уставившись в пустоту потолка, словно пытаясь найти там ответы. Воздух в зале стал настолько плотным, что казалось, его можно резать ножом.

Дариан медленно поднял голову. Его лицо было бледным, как полотно, а глаза светились таким холодным, первобытным бешенством, что мне захотелось просто перестать существовать. Он посмотрел на свой кубок, из которого должен был выпить сам. Если бы не мой «нюх», если бы не это странное, пугающее знание структуры веществ... сейчас на месте Кэлина лежал бы сам Железный Пес. И Империя содрогнулась бы от новости о его внезапной кончине.

— Оцепить блок, — голос Дариана был тихим, почти шепотом, но от него по стенам пополз иней, а офицеры инстинктивно вжали плечи. — Никого не выпускать. Даже слуг. Перекрыть все выходы из сектора.

Он медленно перевел взгляд на меня. В его глазах я увидела осознание масштаба произошедшего. Мы действительно перешли черту. Теперь он не просто защищал «ресурс». Теперь его существование зависело от моего присутствия так же сильно, как моё — от него.

— Аларик прислал весточку, — прошептал Дариан, и в его голосе я услышала обещание такой кровавой и беспощадной расплаты, перед которой Смоговые Ямы покажутся цве-

тущим садом. — И он совершил свою последнюю ошибку. Он заставил меня почувствовать вкус потери.

Я смотрела на неподвижное тело Кэлина и понимала: война, о которой мы только догадывались, официально началась. И следующим этапом будет не создание духов, а вскрытие этой гнойной раны, которую аристократия Аэтерны называла «честью». Теперь у нас не было пути назад.

Глава 10. Допрос с пристрастием

Тюремный блок Генерала не походил на общие бараки. Здесь не было вони немытых тел или кислого запаха дешевого супа. В этом месте царил аромат озона, старой оружейной смазки и того специфического, пробирающего до костей холода, который исходит от стен, видевших слишком много боли. Воздух здесь казался тяжелым, почти осязаемым, словно сама история этого места давила на плечи, требуя признаний.

Меня привели в допросную комнату, но вместо кандалов и дыбы меня ждал мой рабочий стол. Солдаты Дариана действовали молниеносно: всё оборудование из моей временной лаборатории было перевезено сюда меньше чем за полчаса. Стекланные колбы, спиртовки, штативы и реактивы теперь стояли на массивном металлическом столе, намертво привинченном к полу. Светильники под потолком гудели, заливая комнату резким, хирургическим светом, в котором каждая пылинка казалась уликой.

В углу, накрытое серой тканью, лежало тело лейтенанта Кэлина. Гнетущее напоминание о том, что цена ошибки в этой комнате — небытие. Я старалась не смотреть в ту сторону, но мой нос всё равно улавливал едва заметный, приторно-сладкий шлейф, который начинает исходить от человека, когда его искра гаснет.

Дариан стоял у стены, скрестив руки на груди. Он не снял мундир, испачканный разлитым вином. Темное пятно на его груди выглядело как рваная рана, проступившая сквозь ткань. Его лицо напоминало посмертную маску: ни одна мышца не дрогнула, когда я начала расставлять пробирки, но воздух вокруг него буквально вибрировал от сдерживаемой ярости. Железный Пес был готов сорваться с цепи, и единственное, что удерживало его — это ожидание моих выводов.

— Начиная, — бросил он. Его голос был сухим, как треск ломающегося льда под тяжестью сапога.

Я кивнула, стараясь, чтобы пальцы не дрожали. Первым делом я взяла образец вина из того самого кубка, который предназначался Генералу. Жидкость в пипетке казалась густой, почти маслянистой, с тем самым фиолетовым отливом, который так напугал меня за столом.

— Мне нужно подтвердить структуру состава, — прошептала я скорее самой себе, чем ему. — Нос меня не обманул. Миндаль — это только верхушка. Это то, что должно было скрыть основное вещество, обмануть рецепторы, если бы они у вас были.

Я капнула вино в раствор серебряного купороса. Реакция пошла мгновенно: жидкость зашипела, выбрасывая в воздух крошечные пузырьки газа, и потемнела, приобретая грязный, угольный оттенок. В воздухе разлился едкий, неприятный запах хлора, смешанный с чем-то металлическим.

— Видите? — я указала на выпавший черный осадок, который хлопьями оседал на дно колбы. — Это не просто токсичный элемент. Это магически стабилизированный реагент, синтезированный на основе органических солей. Он действует парализующе на центральную нервную систему за считанные секунды. Кэлин даже не понял, что произошло. Его мозг просто перестал подавать сигналы мышцам. Легкие замерли на вдохе.

Дариан сделал шаг к столу, и я ощутила исходящий от него жар. Его присутствие заполнило всё пространство, вытесняя кислород.

— Кто мог изготовить подобное? — спросил он, и в его глазах вспыхнул опасный огонь, отразившийся в гранях моих пробирок. — У моих химиков нет доступа к таким компонентам. Они работают с мазутом и серой, а не с тонкой органикой.

— В том-то и дело, Генерал, — я осторожно перелила остатки вина в дистиллятор и зажгла спиртовку. — Чтобы создать этот состав, нужна не только высококлассная лаборатория,

но и доступ к особому, квотируемому сырью. Посмотрите на эти кристаллы, которые выпадают при нагревании.

Я поднесла пробирку к самому свету магической лампы. На дне, сквозь темную жидкость, сверкали крошечные, идеально ровные крупинки золотистого цвета, похожие на песок из песочных часов.

— Это «пыльца солнечного камня», — произнесла я, и мой голос дрогнул. — Её добывают только в южных карьерах, которые полностью принадлежат короне. Но исключительное право на её промышленную очистку и использование в высокой парфюмерии имеет только один торговый дом в Империи.

Дариан молчал, но я видела, как побелели его костяшки пальцев, когда он оперся о край стола так сильно, что металл жалобно скрипнул.

— Вальмоны, — выдохнул он, и это имя прозвучало как приговор.

— Именно. Это не просто «подарок от торгового дома». Это их личная подпись, оставленная с вызывающим нахальством. Аларик не просто хотел устранить вас, Генерал. Он хотел сделать это красиво, используя те же компоненты, которые идут на создание их знаменитого Аромата Власти. Это своего рода ирония в их кругах — высокая мода политического устранения. Опередить врага его же собственным величием.

Генерал внезапно ударил кулаком по столу, заставив мои колбы подпрыгнуть и жалобно звякнуть. Отражение в его глазах металось, как искра на ветру.

— Этот «дар» прибыл в сопровождении почетного караула! — прорычал Дариан, и его голос сорвался на хрип. — С печатями Высшего Совета! С заверенными грамотами о вечном примирении и сотрудничестве! Он использовал всю государственную машину, чтобы превратить мой обеденный стол в плаху!

Он начал мерить комнату быстрыми, резкими шагами, похожий на запертого в тесной клетке хищника, который чувствует запах крови врага.

— Вареш, офицеры штаба, охрана внешнего периметра... — Дариан резко остановился и посмотрел на меня. В его взгляде больше не было и тени недоверия. Там была пугающая, абсолютная пустота человека, который внезапно осознал, что стоит один против целого мира, и у него нет даже надежной стены за спиной. — Ты понимаешь, что это значит, Майя? Если Аларик смог провести такой состав через все магические и таможенные заслоны, значит, у него есть люди везде. В моем штабе, в моей личной охране, возможно, даже в этом блоке.

Я сглотнула, чувствуя, как по спине медленно ползет ледяной пот. Если предатели здесь, то мы оба — лишь мишени.

— Вы думаете, кто-то помог ему здесь, внутри Ям?

— Я больше ни в чем не уверен, — Дариан подошел ко мне вплотную, и я почувствовала, как он тяжело, рвано дышит. Его присутствие подавляло, но теперь в нем была какая-то отчаянная, почти детская потребность в опоре. — Мои офицеры смотрят на меня как на мясника, который запер их в этой дыре. Мои солдаты устали от бесконечного смога и смен. А теперь мой собственный адъютант лежит там, под простыней, потому что кто-то в столице решил, что я слишком зажился на этом свете.

Он коснулся моего плеча — на этот раз без тени грубости, почти неосознанно, словно проверяя, реальна ли я. Его пальцы были горячими даже сквозь ткань робы.

— Ты — единственная, кто не принадлежит к этому прогнившему миру, Майя. Ты дефектная, у тебя нет статуса, нет будущего в их системе. Тебе не за что сражаться на их стороне, они тебя уже уничтожили. И только ты смогла учуять эту погибель раньше всех моих «экспертов».

— Я просто делала свою работу, Дариан, — тихо ответила я, глядя в его измученное лицо, на котором проступили резкие тени.

— Нет, ты сделала нечто большее. Ты стала моим единственным надежным фильтром. Моим единственным чувством в этом стерильном аду.

Он резко отвернулся, словно испугавшись собственной откровенности, и подошел к столу, где лежали личные вещи лейтенанта Кэлина. Нехитрый набор молодого парня, чья жизнь оборвалась из-за чужой гордыни: потертый кошелек, связка ключей, помятое письмо от матери, карманные часы со сломанной стрелкой.

— Кэлин был со мной три года, — глухо произнес Дариан, перебирая эти предметы с какой-то торжественной скорбью. — Его отец служил в моем полку еще под Аркенсталем. Мальчишка был предан как пес. Почему он сделал этот глоток? Глубокомыслие... или он действительно что-то знал и пытался предупредить меня таким страшным образом?

— Он хотел защитить вас, Генерал. Он верил в вашу неприкосновенность больше, чем вы сами. Для него вы были богом, который не может пасть.

Я подошла к столу и начала помогать Дариану разбирать вещи, стараясь не задевать его руки. Мой взгляд упал на небольшой кожаный мешочек, который лежал отдельно от остальных предметов. Он был туго стянут черным шелковым шнурком.

— Что это? Этого не было в описи, — спросила я, осторожно развязывая тугий узел.

Внутри лежало несколько запасных форменных пуговиц, медный талисман на удачу и что-то неожиданно тяжелое, завернутое в кусок плотного бархата. Я аккуратно развернула ткань, и на мою ладонь выпал предмет, от вида которого у меня перехватило дыхание, а в комнате словно стало еще холоднее.

Это был массивный перстень из белого золота. В центре, окруженный россыпью мелких бриллиантов, сиял крупный сапфир, внутри которого, казалось, застыло настоящее грозное облако. Но не камень привлек мое внимание. На внутренней стороне золотой шинки была выгравирована геральдическая лилия, переплетенная с вьющимся стеблем розы.

Печать рода Вальмонов. Личное кольцо Аларика, которое он всегда носил на мизинце правой руки. Я слишком часто видела его, когда он подносил бокал к губам или поправлял свои идеальные манжеты перед зеркалом. Этот перстень был частью его самого.

— Боги... — прошептала я, чувствуя, как реальность вокруг меня начинает трещать и осыпаться пеплом.

Дариан мгновенно оказался рядом, его тень накрыла меня. Он выхватил кольцо из моих рук и поднес его к самому свету лампы. Его лицо исказилось от такой ярости, что я инстинктивно отступила на шаг, боясь попасть под этот сокрушительный удар гнева.

— Откуда это у Кэлина? — прорычал он, и его голос сорвался на опасный хрип. — Почему мой адъютант носил в кармане личный знак Вальмона? Он был куплен? Или это плата за мою голову?

— Это не просто кольцо, посмотрите внимательнее, — я указала на крошечный, почти невидимый желобок под сапфиром. — Это контейнер. В таких кольцах аристократы Этерны хранят либо противоядие на крайний случай, либо... то самое вещество, которое только что сразило лейтенанта.

Я посмотрела на Дариана, и в его глазах я увидела то же самое понимание, которое пронзило меня. Это был не просто теракт. Это был прямой, задокументированный вызов. Аларик не просто хотел его убрать — он хотел, чтобы Дариан до последней секунды знал, кто именно держит руку на его горле. Оставив кольцо у адъютанта, он либо завербовал парня, превратив его в обреченную пешку, либо использовал его как почтового голубя, принесшего приговор своему хозяину прямо в руки.

— Это открытый вызов, — прошептала я, и в моем голосе Дариан услышал начало настоящего шторма, который сотрет этот мир. — Он больше не прячется в тени. Он плюнул вам в лицо прямо в вашем собственном доме, в самом сердце вашей крепости.

Генерал медленно поднял взгляд на меня. В его серых глазах, обычно холодных и расчетливых, теперь плескалось безумие человека, которому больше нечего терять, кроме своей чести. Сжав кольцо в кулаке так сильно, что острые края золота впились в его кожу до крови, он произнес:

— Майя. Похоже, наше мирное сосуществование закончилось. Теперь это война. И ты — моё единственное оружие, которое он не смог просчитать.

Он резко развернулся и направился к выходу, бросив через плечо, уже не оборачиваясь:

— Заканчивай с анализом. Мне нужно знать точный состав этой дряни до рассвета. Если Аларик хочет играть со сталью и химией, он получит их в избытке.

Дверь за ним захлопнулась с тяжелым, окончательным лязгом. Я осталась одна в гулкой тишине допросной, сжимая в руке кусок бархата, сохранивший тепло кольца. Белое золото словно всё ещё жгло мне ладонь своим холодным блеском. Наша сделка в Смоговых Ямах только что официально стала контрактом с бездной.

Аларик, ты всегда был предсказуем в своей безграничной гордыне. Оставить кольцо — это так в твоём духе, так мелко и пафосно одновременно. Ты хотел показать свою власть над моей новой жизнью, но ты лишь дал нам повод сжечь твой мир дотла. Ты думал, что Железный Пес сломается, потеряв единственного верного человека? Ты просто не знал, что раненый пес кусает гораздо сильнее. И теперь я — та, кто смешивает для него ярость. Посмотрим, как ты запоешь, когда твой безупречный «Рубин Аэтерны» обернется против тебя самого. Ты создал монстра, Аларик, и этот монстр теперь пахнет моим возмездием.

Я медленно начала убирать вещи Кэлина обратно в кожаный мешочек. Мои пальцы наткнулись на внутреннюю сторону оберточного бархата кольца, и я замерла, боясь сделать следующий вдох. Там, в самой глубине ворсистой ткани, виднелось крошечное, почти прозрачное пятно.

Я поднесла его к носу. Это не был запах реагента. И не запах старого вина.

Из глубины бархата поднялся едва уловимый, призрачный аромат моих собственных авторских духов — «Дикая Фиалка». Тех самых, которые Аларик когда-то публично запретил мне носить, назвав их мусором. Он не просто прислал погибель — он прислал издевательское напоминание о том, что всё ещё считает меня своей собственностью, вещью, которую он может уничтожить в любой момент. Его присутствие ощущалось в этой комнате так реально, что мне на мгновение показалось, будто холодные пальцы графа коснулись моей шеи, проверяя прочность невидимого ошейника.

Война действительно началась. И теперь она пахла фиалками на пепелище.

Глава 11. Личный шлейф

Ночь в Смоговых Ямах никогда не была по-настоящему темной. Сквозь узкие окна лаборатории пробивалось багровое зарево плавильных печей, окрашивая стеклянные колбы в цвет запекшейся крови. Гул завода, обычно мерный и усыпляющий, сегодня казался мне прерывистым, тревожным, словно у огромного железного монстра началась аритмия.

После того как Дариан покинул допросную, оставив меня наедине с телом Кэлина и кольцом Аларика, я не смогла заставить себя вернуться в свою комнату. Запах «Дикой Фиалки», спрятанный в складках бархата, преследовал меня. Он пропитал мои пальцы, он заполнил мои мысли. Аларик не просто прислал весточку — он напомнил, что я всё еще нахожусь в его поле зрения, даже здесь, в самом сердце индустриального ада.

Но еще больше меня беспокоил Дариан.

Я знала, что он не спит. Я чувствовала это по той тяжелой, звенящей тишине, которая исходила из его покоев в конце коридора. Генерал, чей мир был лишен ароматов, теперь обнаружил, что этот самый мир прогнил насквозь. Паранойя — плохая спутница для человека, который привык доверять только приказам и стали.

Я подошла к своему рабочему столу. Пальцы машинально выбирали флаконы. Мне нужно было что-то, что сможет пробить его ментальную броню, не вызывая при этом новой вспышки ярости.

— Лаванда из предгорья Аэтерны... — прошептала я, капая густое масло в базовый состав. — Слишком просто. Он решит, что я пытаюсь его усыпить, как ребенка.

Я добавила каплю горького кедрового масла для устойчивости и экстракт лунного корня — редкий компонент, который я тайно выменяла у кладовщиков. Этот корень обладал странным свойством: он не просто успокаивал, он замедлял пульс, заставляя сознание погружаться в подобие транса. Это был мой «Личный шлейф» спокойствия, созданный специально для человека, который забыл, что такое тишина внутри себя.

Коридоры жилого блока были пусты, но я кожей чувствовала взгляды невидимых стражей. После гибели Кэлина безопасность была доведена до абсурда.

Дверь в спальню Генерала была приоткрыта. Я замерла на пороге.

Комната Дариана была продолжением его самого: минимум мебели, холодный металл, тяжелые кожаные кресла и отсутствие каких-либо украшений. Никаких цветов, никаких картин. Стерильная зона.

Он сидел на краю широкой кровати, не сняв даже сапог. Мундир был расстегнут, открывая ту самую серебристую паутину шрамов на груди. В руках он сжимал кольцо Аларика. В тусклом свете магического светильника сапфир казался черным глазом, наблюдающим за его падением.

— Вы не спите, Генерал, — тихо произнесла я, входя в комнату.

Дариан вскинул голову. Его взгляд был диким, расфокусированным. На мгновение мне показалось, что он меня не узнает.

— В каждом шорохе за стеной я слышу его смех, Майя, — произнес он хрипло. — Аларик не просто хотел меня устранить. Он хотел показать, что я — слепец в собственном доме. Что я не могу защитить даже тех, кто подает мне вино.

— Вы не виноваты в том, что он подл, Дариан.

— Виноват в том, что допустил это, — он резко встал и начал мерить комнату шагами. — Кэлин был моим щитом, а стал его пешкой. Сколько еще таких «подарков» он подготовил? Вареш? Начальник охраны? Или, может быть, ты, Майя? Может быть, ты — самый изысканный его состав, предназначенный для того, чтобы я окончательно сошел с ума?

Он подошел ко мне вплотную, и я увидела, как дрожат его руки. Это было пугающее зрелище. Железный Пес, чей рык заставлял трепетать Легионы, теперь рассыпался на части от невидимого врага.

— Если бы я была его оружием, вы бы уже не стояли здесь, — я подняла флакон с маслом. — Я принесла то, что поможет вам отключить этот шум в голове.

— Еще одна твоя химия? — он горько усмехнулся. — Ты хочешь, чтобы я перестал чувствовать угрозу?

— Я хочу, чтобы вы просто дышали. Садитесь. Это не приказ подчиненной, это... просьба того, кто не хочет остаться в этом мире один.

Дариан замер. Эти слова, кажется, пробили его защиту. Он медленно опустился обратно на край кровати, а затем пересел в тяжелое кресло у окна, словно ища опору в его массивности.

Я подошла к нему сзади. Мои пальцы, еще хранившие прохладу лаборатории, коснулись его висков. Он вздрогнул, и я почувствовала, как под кожей каменеют его мышцы.

— Расслабьтесь, — шепнула я, нанося каплю масла на свои ладони и растирая их, чтобы разогреть состав.

Аромат начал раскрываться. Сначала — терпкий кедр, как защитный вал, затем — мягкая лаванда и, наконец, обволакивающий, почти гипнотический лунный корень.

Я начала массировать его голову. Мои движения были медленными, круговыми. Я прощупывала каждый узел напряжения на его затылке, каждую линию стресса. У основания черепа, там, где серебристые нити проклятия были наиболее яркими, кожа пульсировала от жара.

Дариан издал низкий, похожий на стон вздох. Его голова медленно откинулась назад, касаясь моего живота.

— Это... странно, — выдохнул он. — Я не чувствую запаха, но я чувствую, как в голове становится... прозрачно. Цвета стихают. Багровый цвет завода превращается в сумеречный синий.

— Это работает химия, Дариан. Молекулы масла воздействуют на ваши рецепторы, которые магия не смогла уничтожить. Мы обходим блок с фланга.

Я продолжала массаж, чувствуя, как хватка его пальцев на подлокотниках кресла постепенно ослабевает. Сапфировое кольцо выпало из его руки и с тихим звоном покатилося по ковру, но он даже не обернулся.

В этой комнате, за пределами которой плелись заговоры и готовились перевороты, сейчас существовали только мы двое. Тихий шелест моего платья, его рваное, постепенно выравнивающееся дыхание и звенящая нота кедра.

Я смотрела на него сверху вниз. В этом беззащитном положении он не казался тираном или «Псом». Он был мужчиной, измученным собственной силой, запертым в мире, где за каждый поток воздуха нужно сражаться. Его лицо, обычно суровое, теперь разгладилось. Тень шрама над бровью стала менее заметной.

— Почему ты помогаешь мне, Майя? — спросил он, не открывая глаз. Его голос стал тихим, лишенным привычной командной стали. — После всего, что я сделал... после того, как привез тебя сюда в кандалах.

— Потому что вы первый человек за долгое время, который увидел во мне не «дефектную», а специалиста. И потому что... — я запнулась, чувствуя, как краснеют мои щеки. — Потому что вы единственный, кто пахнет для меня правдой. Даже если эта правда горькая.

Дариан ничего не ответил. Его дыхание стало совсем ровным. Видя, как он окончательно проигрывает битву со сном и начинает медленно сползать в кресле, я осторожно обошла его и присела на низкую скамью у его ног. Я мягко направила его голову к себе, позволяя ей, такой тяжелой и теплой, опуститься мне на колени.

Я замерла, боясь шевельнуться. Мои ладони всё еще лежали на его висках. Я видела каждую его ресницу, каждую черточку его лица. В этом интимном, запретном моменте я вдруг осознала нечто пугающее. «Боже, Соколова, ты окончательно сошла с ума», — пронеслось в голове. Я сидела в спальне самого опасного человека Империи, и моё сердце колотилось так, будто я выпила литр чистого адреналина. Аларик хотел уничтожить меня, стереть из памяти мира, а вместо этого он своими руками бросил меня в объятия того, кто сможет сжечь весь его хрупкий аристократический мир ради одного моего взгляда.

Но была ли я готова к этому? Готова ли я была стать тем самым «шлейфом» для Генерала, который начинал чувствовать вкус жизни только через меня? Теперь я была не просто его оружием или инструментом для анализа токсинов. Я становилась его слабостью. А в Вердене, как я уже успела понять, за любую слабость платили кровью.

Я смотрела на его спящее лицо и понимала, что проиграла свою личную войну за независимость. Это не было стокгольмским синдромом или благодарностью пленницы. Это была та самая неконтролируемая химическая реакция, о которой предупреждали старые учебники: когда два нестабильных элемента сталкиваются в вакууме, они либо аннигилируют, либо создают нечто совершенно новое, не имеющее антидота. Я влюблялась в Железного Пса. В человека, который разрушил мою прежнюю жизнь, но дал мне шанс построить новую — настоящую, пронизанную запахом кедра и стали.

Дариан внезапно пошевелился во сне. Его лицо уткнулось в складки моего шелкового платья, и он издал едва слышный звук.

— Майя... — прошептал он. Это не был приказ или вызов на допрос. В этом шепоте было столько тоски и неожиданной нежности, что у меня перехватило дыхание. — Майя... не уходи в туман.

Он звал меня по имени. Не «ресурс», не «Эвергард». Этот шепот стал моим самым секретным компонентом, который я надеялась сохранить в тайне от всего мира.

Ночь медленно подходила к концу. За окном оранжевое зарево Пятого сектора начало бледнеть, уступая место серому рассветному мареву. Я сидела, боясь пошевелить затекшими ногами, и просто слушала, как он дышит. Завтра он проснется и снова наденет свою стальную маску, снова станет холодным надзирателем Смоговых Ям. Но эта ночь... эта ночь принадлежала нам.

Когда первые лучи света начали пробиваться сквозь смог, я попыталась осторожно переложить голову Дариана на подушку, чтобы уйти. Но его рука, даже в глубоком сне, намертво вцепилась в край моего платья, словно он боялся, что я исчезну вместе с последними тенями.

Мой взгляд случайно упал на прикроватную тумбу. Там, среди официальных документов, лежал свежий отчет начальника охраны, помеченный красной печатью срочности. Я не хотела читать чужие бумаги, но первые строки, написанные размашистым, агрессивным почерком, буквально впились в глаза: «Случаи неповиновения среди дефектных в нижних цехах участились. Рекомендую применение силовых методов и ужесточение режима для стабилизации трудового процесса».

Холод сковал моё сердце. Моя спокойная ночь закончилась в ту же секунду. Там, за стенами этого стерильного блока, начинался бунт. И мне, женщине, которая только что обрела свои чувства на коленях у Генерала, предстояло решить, на чьей я стороне — человека, которого я начинала любить, или тех несчастных девчонок, которые были так же бесправны и растоптаны, как я сама. Война возвращалась в Смоговые Ямы, и на этот раз она пахла не маслом, а порохом и грядущим пожаром.

Глава 12. Женский бунт

Утро ворвалось в спальню Генерала вместе с едким оранжевым светом, который с трудом пробивался сквозь плотную завесу смога за окном. Этот свет не грел — он ложился на металлические поверхности мебели холодными, ржавыми полосами, подсвечивая каждую пылинку в стоячем воздухе. Мне стоило огромных усилий высвободить край своего платья из пальцев спящего Дариана. Даже во сне его хватка была собственнической, пугающе надежной, словно он инстинктивно пытался удержать единственную живую искру в своем безвоздушном мире.

Глядя на его разгладившееся, лишенное стальной маски лицо, я на мгновение почувствовала укол нежности, который тут же сменился ледяным холодом. Взгляд снова упал на отчет: «применение силовых методов». Это было напоминание о том, что человек, чье дыхание я только что чувствовала на своей коже, — правитель этого железного ада.

Я покинула его покои бесшумно. Коридоры жилого блока всё еще дышали ночной прохладой, но в воздухе уже вибрировало напряжение, предвещающее грозу. Стражи, сменившие погибшего Кэлина, провожали меня подозрительными, тяжелыми взглядами. Для них я была лишь странной прихотью их командира, аномалией, которой позволили слишком много.

Вернувшись в свою лабораторию, я первым делом заперла дверь на массивный засов. Руки дрожали, но не от страха, а от обжигающей решимости. Я понимала: если отчет уже лежит на столе у Дариана, значит, внизу, в цехах, «стабилизация» уже идет полным ходом.

Мой взгляд упал на ряды экстрактов. Вчера я смешивала их, чтобы вернуть одному человеку радость жизни, сегодня мне предстояло превратить их в инструменты сопротивления.

— Думаешь, ты одна такая, Соколова? — прошептала я, доставая из потайного шкафа концентрат муравьиной кислоты и технический деготь. — Думаешь, если тебе позволили греться в покое Генерала, то остальные обязаны терпеть унижения?

Мне нужно было вещество, которое не калечит навсегда, но делает физическую агрессию невозможной. Химическая ловушка, бьющая по инстинктам. Идея пришла мгновенно: катализатором должен стать мужской пот. В условиях раскаленного цеха и грубого поведения надзирателей это был самый надежный спутник любого конфликта.

Я работала лихорадочно, смешивая компоненты в фарфоровой ступке. Основной послужила густая мазь на вазелине — она должна была оставаться на коже девушек прозрачной и безвредной до определенного момента. Секрет крылся в микрокапсулах реагента на основе солей меди и едких эфиров. В спокойном состоянии — это просто увлажняющий крем. Но стоит агрессору коснуться этой субстанции, как влага и тепло его ладоней запустят цепную реакцию. Резкий ожог, похожий на удар крапивы, и... вонь. Настоящая, концентрированная вонь гнилой органики, которую невозможно смыть в течение нескольких дней.

«Парфюмерная самооборона», — горько усмехнулась я, перекладывая готовую мазь в крошечные жестяные баночки. Моя старая жизнь в Аэтерне окончательно рассыпалась прахом. Там я создавала ароматы для соблазнения, здесь я создавала ароматы для выживания.

В нижних цехах было нечем дышать. Своды из потемневшего железа давили сверху, а гул станков сливался в бесконечный, сводящий с ума стон. Воздух здесь был перенасыщен металлической стружкой, которая скрипела на зубах.

Я вошла в Сектор Три под предлогом замера уровня токсичных испарений. Начальник охраны — капитан Бруно — стоял на возвышении. Это был грузный мужчина с лицом цвета сырой говядины, чьи маленькие глазки постоянно искали жертву. Он похлопывал тяжелой плетью по голенищу сапога, и этот ритмичный звук пугал больше, чем крики. Рядом с ним двое надзирателей грубо тащили к станку Нику — ту самую щуплую девчонку, которая когда-то жила со мной в бараке. Её роба была разорвана, а на щеке красовался багровый след от удара.

— Работать, дефектная! — проревел Бруно, и его голос эхом отозвался от стальных стен. — Если норма не будет выполнена, я лично прослежу, чтобы ваш сектор остался без воды на трое суток. Генерал приказал стабилизировать процесс, и я не остановлюсь ни перед чем. Слишком долго вы тут надеялись на поправки.

Он метнул в мою сторону яростный взгляд. Для него я была препятствием, живым упреком его методам, «столичной штучкой», которую он мечтал поставить на место.

Я дождалась, когда охрана отойдет к дальним воротам. Проходя вдоль ряда станков, я имитировала работу с приборами, а сама быстро передавала баночки женщинам.

— Наносите на шею и запястья, — шептала я, сжимая руку Ники. — Главное — не бойтесь. Если они коснутся вас — не отстраняйтесь сразу. Дайте химии сработать. Это ваш единственный щит.

— Майя, если они узнают... — губы Ники дрожали.

— Они не узнают, пока не протянут к вам руки, — отрезала я. — Это наука, Ника. Она не знает жалости к тем, кто считает других своей собственностью.

Последующие два часа превратились в медленную пытку ожиданием. Я осталась в цеху, делая вид, что тщательно калибрую датчики на магистральных трубах. Время тянулось как раскаленный гудрон. В помещении становилось всё жарче: огромные прессы работали на пределе, и температура перевалила за сорок градусов. Девушки обливались потом — это было необходимо для моей мази, но смотреть на их изнуренные лица было больно.

Я видела, как Ника едва не теряет сознание, как дрожат её руки, подставляющие детали под штамп. Охранники нервничали. Жара действовала на них раздражающе, они срывали злость на рабочих, подгоняя их криками и толчками. Бруно на возвышении расстегнул ворот мундира, его шея стала багровой, а на лбу выступила испарина. Он выглядел как перегретый котел, готовый взорваться. Каждое его движение, каждый взмах плети заставлял меня внутренне сжиматься. Я ловила на себе его тяжелый, липкий взгляд и понимала: он просто ждет повода, чтобы спуститься сюда и сорваться на мне или на тех, кого я защищала.

К полудню атмосфера в цеху накалилась до предела. Бруно, разгоряченный парами цеха и ощущением абсолютной власти, наконец не выдержал. Он спрыгнул с помоста, и его тяжелые сапоги гулко грохнули по металлу. Он подошел к Нике, которая едва стояла на ногах, её лицо было серым от усталости.

— Что, малявка, совсем выдохлась? — он грубо перехватил её за плечо, впиваясь пальцами в худую кожу. — А может, тебе нужно особое поощрение, чтобы руки двигались быстрее?

Её ладонь легла точно на слой мази, смешанной с соленым потом. Первые три секунды Бруно довольно ухмылялся, глядя на испуганное лицо девочки. А затем он внезапно вскрикнул, отдергивая руку так, будто коснулся раскаленного угля. Его ладонь на глазах начала покрываться красными пятнами, а кожа заблестела от химической реакции.

Но самым страшным был запах.

В одно мгновение весь сектор заполнила невыносимая, тошнотворная вонь разложения, настолько плотная, что она казалась осязаемой преградой. Рабочие начали задыхаться и кашлять.

— Что... что это за мерзость?! — заорал Бруно, пытаясь вытереть руку о свой мундир, но это только усилило реакцию. Деготь в составе мази намертво вцепился в ткань. — Скверна! Она заразна! Эта девка — переносчик гнили!

Второй охранник бросился на помощь, хватая за плечо другую женщину, чтобы оттащить её — и тут же взвыл, отлетая в сторону. Реакция повторялась с безупречной точностью. Вонь в цеху стала такой невыносимой, что даже магические фильтры на потолке начали жалобно свистеть, не справляясь с нагрузкой.

— Это бунт! — визжал Бруно, задыхаясь от собственного смрада. — Это она! Столичная ведьма из блока Генерала! Она всех их отравила!

В цеху начался хаос. Девушки, почувствовав внезапную слабость своих мучителей, перестали сжиматься от страха. Они стояли прямо, глядя, как охранники в ужасе пятятся, закрывая лица локтями. «Парфюмерная самооборона» сработала идеально — агрессор стал изгоем в собственной системе.

Я стояла в центре этого безумия, чувствуя дикое, горькое торжество.

— Генерал Дариан не оценит твоё рвение, капитан, — громко произнесла я, перекрывая шум. — Твои руки говорят сами за себя. Ты коснулся тех, кого не имел права трогать. Твое тело само вынесло тебе приговор.

Бруно посмотрел на меня взглядом, в котором мешались жгучая боль и безумная жажда мести.

— Ты думаешь, он тебя спасет? — прохрипел он. — Ты думаешь, ты в безопасности, пока греешь его постель? В Ямах нет исключений. Оцепить сектор! Взять её! Любой ценой!

Солдаты, давясь от воню и морщась, окружили меня. Пики уперлись мне в грудь. Никто из рабочих не решился вмешаться — вековой страх перед Легионом был всё ещё сильнее этого мгновенного триумфа.

Меня волокли по бесконечным лестницам вниз, в самые подвалы Сектора Пять, где воздух был неподвижным и мертвым. Карцер. Здесь не было света ламп, только тусклое, болезненное мерцание фосфоресцирующего лишайника на стенах.

Бруно лично открыл тяжелую железную дверь, которая пахла старой сыростью и многолетним отчаянием.

— Генерал узнает о твоём «эксперименте» только тогда, когда я закончу с тобой, — прошипел он, толкая меня внутрь. — Ты думала, ты его шлейф? Нет, ты просто дефектный мусор, который мешает механизму работать. И я этот мусор утилизирую.

Дверь захлопнулась с тяжелым, окончательным лязгом.

Я осталась в абсолютной, звенящей темноте. Под ногами хлюпала ледяная вода, а стены сочились влагой. Холод тут же начал пробираться под тонкую ткань моего платья — того самого, край которого сегодня утром так нежно сжимал Дариан.

Я опустила на мокрый пол, подтягивая колени к подбородку. В голове всё ещё звучал его сонный шепот: «Майя, не уходи в туман». Но туман настиг меня раньше, чем я успела найти дорогу к свету.

Я нащупала в потайном кармане последний флакон. Концентрированный газ — мой последний аргумент против этого мира. Я знала, что Бруно вернется. Он захочет «преподать урок» прежде, чем Генерал спохватится.

— Ну что же, Аларик, — прошептала я в пустоту, чувствуя, как по щеке катится одинокая слеза. — Ты хотел, чтобы я исчезла в этих Ямах. Но я не просто исчезаю. Я становлюсь самым опасным составом, который когда-либо видела эта Империя. Посмотрим, кто из нас первым задохнется в этой тишине.

Интересно, Дариан уже обнаружил пустую постель и мой самовольный уход? Разозлился он или почувствовал ту же пустоту, что и я, когда мельком увидела те роковые строки в отчете на его тумбочке? Сейчас его молчание пугало меня больше, чем угрозы Бруно. Если он не придет, значит, Железный Пес выбрал дисциплину вместо человечности. А если придет... станет ли он моим спасителем или просто вернет в золотую клетку «ценного ресурса»? В этой темноте надежда пахла сыростью и застарелой гарью — совсем не тот букет, который я планировала собрать в Смоговых Ямах.

Снаружи, за тяжелой дверью, слышались тяжелые, шаркающие шаги. Но это были не шаги Генерала. Я услышала хриплый, торжествующий смех Бруно и лязг связки ключей. — Посмотрим, как ты запоешь без своего заступника, — прорычал он через решетку. Я сжала флакон в руке до белизны в костяшках. За дверью снова лязгнул металл. Моя личная война

только входила в свою самую жаркую стадию, и на этот раз у меня не было ни антидота, ни права на отступление.

Глава 13. Засада в тумане

Тяжелая железная дверь карцера скрипнула с пронзительным, режущим слух скрежетом, выпуская внутрь полосу желтого, маслянистого света. Капитан Бруно не просто вошел — он ворвался в камеру, мгновенно заполнив тесное пространство запахом своей воню и обжигающей, почти осязаемой ненавистью. Его лицо, всё еще покрытое багровыми химическими ожогами, в дрожащем свете фонаря выглядело как жуткая маска из сырого мяса, где глаза сверкали лихорадочным блеском.

— Ну что, «золотой нос» Империи, — прохрипел он, с грохотом захлопывая дверь за собой, отчего эхо еще долго металось по сырым углам. — Как тебе вкус настоящей жизни в Ямах? Здесь нет шелковых простыней Генерала, нет уважения стражи и стерильных пробирок. Только ты, я, эта сырость и правда, которую ты так старательно пыталась замаскировать.

Я медленно поднялась с мокрого пола, чувствуя, как ледяная вода стекает по позвоночнику, заставляя мышцы сокращаться в судороге. Пальцы машинально нащупали флакон, спрятанный в складках грубой робы. Холод пробирал до самых костей, высасывая последние остатки воли, но я заставила себя расправить плечи и смотреть ему прямо в глаза. Мой взгляд был моей последней крепостью.

— Ты всё еще пахнешь сточной канавой, Бруно, — мой голос прозвучал тише, чем обычно, но в нем была твердость стали. — Моя мазь — это не просто химия, она въелась тебе под самую кожу, впиталась в поры. Никакое мыло и никакая магия этого не смоют. Это твой новый шлейф — вечное напоминание о твоей никчемности, которое будет преследовать тебя в каждом коридоре этого сектора.

Бруно взревел, и тяжелый кожаный ремень в его руке свистнул в паре сантиметров от моего лица, с глухим ударом врезавшись в каменную стену. Искры и острые крошки гранита брызнули мне на щеку, оставляя едва заметные царапины. Воздух вокруг него буквально кипел от злобы.

— Ты думаешь, ты здесь из-за тех жалких девчонок в цеху? — он шагнул ближе, и я почувствовала удушливый жар, исходящий от его грузного тела. — Нет, Майя. Ты здесь, потому что Дариан слишком привязался к своему «ресурсу». Он совершил ошибку, решив, что может защитить «дефектную» вопреки воле столицы. Он забыл, что в Ямах порядок держится на страхе и дисциплине, а не на ароматических маслах. Аларик Вальмон лично прислал приказ об устранении «нестабильного элемента», способного вызвать брожение в умах рабочих. И я исполню его с огромным удовольствием.

Он резко выбросил руку вперед и схватил меня за волосы, рывком заставляя запрокинуть голову назад. Боль была острой, ослепляющей, она пронзила череп и отдалась в позвоночнике.

— Посмотри на меня! — прорычал он мне в лицо. — Твой Генерал не придет. Сейчас он занят оправданиями перед Инквизицией. Для него ты — лишь досадная ошибка. Я выбью из тебя всё, что ты успела ему наобещать, прежде чем ты окончательно исчезнешь.

— Ты... — я задыхалась от боли и его воню, но мои пальцы уже нашли стопор флакона. — Ты так ничего и не понял. Дариан не придет сюда за «ресурсом», Бруно. Он не придет, потому что он «Пес». Он придет, потому что ты осмелился коснуться того, что принадлежит лично ему. А пока он в пути... познакомься с моим последним составом.

Я резко выставила руку вперед и с силой нажала на распылитель.

Короткое, хищное шипение — и плотное облако прозрачного газа ударило Бруно прямо в лицо. Это не была магия. Это был чистый концентрат «Состава №9».

Капитан мгновенно выпустил мои волосы и попятился, хватаясь за голову. Его глаза округлились, зрачки расширились до предела. Газ действовал беспощадно: он вызывал чудовищную сенсорную перегрузку. Для Бруно звук мерно капающей воды превратился в оглуши-

тельные удары молота, а тусклый свет фонаря — в ослепительную вспышку сверхновой. Его нервная система захлебывалась в потоке сигналов.

— Что это?! Мои уши... глаза! Тварь, что ты сделала?! — он рухнул на колени, содрога-
ясь в конвульсиях от кошмарных галлюцинаций.

Я отшатнулась к стене, прижимая ладонь к лицу. В тесном пространстве газ был опасен и для меня, но годы работы в лаборатории научили меня контролировать дыхание.

— Это «Засада в тумане», капитан, — прошептала я. — Теперь ты чувствуешь мир таким, каким его чувствую я. Красиво, правда? Или всё-таки слишком громко?

Внезапно стены карцера содрогнулись от удара такой мощи, что пыль и мелкие камни посыпались с потолка. Грохот снаружи был настолько нечеловеческим, что превзошел все галлюцинации Бруно. Массивная стальная дверь не просто открылась — она вылетела внутрь вместе с петлями, с оглушительным скрежетом врезавшись в противоположную стену.

На пороге стоял Дариан.

Я никогда не видела его таким. От него исходила аура первобытной, сокрушительной ярости. Воздух вокруг Генерала вибрировал, он словно превратился в жидкое пламя, поглощающее свет. Его глаза сияли расплавленным свинцом, в них не осталось ничего человеческого — только инстинкт хищника.

Он шагнул внутрь, и облако газа мгновенно рассеялось, вдавленное в углы мощным давлением его магического фона. Дариан даже не взглянул на меня в первую секунду — его взгляд был прикован к Бруно, который всё еще скулил на полу.

— Генерал... — прохрипел капитан. — Она... она применила химикаты... я лишь проводил дознание... по приказу...

Дариан двигался с грацией хищника. Он подошел к Бруно и просто, без единого лишнего движения, схватил его за ворот мундира, поднимая над полом одной рукой.

— Дознание? — голос Дариана был тихим, но от этого звука лишайник на стенах мгновенно почернел и осыпался пеплом. — В моем секторе? Без моей подписи? С женщиной, которую я официально объявил своей личной ответственностью?

— Она — ресурс! — визжал капитан. — Аларик Вальмон требует...

— Аларик Вальмон здесь никто, — Дариан перехватил правую руку Бруно — ту самую, которой он мгновение назад сжимал мои волосы. — Ты слишком долго служил мне, Бруно, и, видимо, забыл, кто я такой. Ты забыл, почему меня называют Железным Псом.

Раздался сухой, отчетливый хруст. Кости предплечья капитана сломались под пальцами Генерала так легко, словно это были сухие тростинки. Бруно издал нечеловеческий вопль, который тут же захлебнулся в его горле под ледяным взглядом Дариана.

— Эту руку ты поднял на неё, — произнес Дариан. — Вторую я оставляю тебе только для того, чтобы ты мог подписать признание в государственной измене, прежде чем тебя отправят на нижние уровни без права выхода. Если доживешь до рассвета.

Он брезгливо швырнул стонущего капитана в угол, прямо в грязную воду. За дверью уже слышался тяжелый топот солдат Железного Легиона.

— Увести этот мусор, — бросил Дариан подоспевшим офицерам. — Снять знаки отличия. Изолировать.

В карцере снова стало тихо. Дариан медленно повернулся ко мне. Вся его испепеляющая ярость мгновенно угасла, сменившись чем-то гораздо более глубоким и болезненным. Он подошел и, не обращая внимания на дорожную ткань мундира, опустил на одно колено прямо в воду.

— Майя... — он протянул руку, осторожно касаясь моей щеки. Его пальцы заметно дрожали. — Прости меня. Я проснулся и не нашел тебя. Я перевернул весь блок... Если бы я опоздал еще на минуту...

— Я сама справилась, Дариан, — я наконец позволила себе уткнуться лбом в его плечо.
— Но я видела тот отчет. Ты действительно собирался ужесточить режим в цехах?

— Бруно подделал мою подпись, Майя. Он работал на Ване и Аларика. Они хотели стравить меня с тобой, чтобы уничтожить нас обоих.

Он подхватил меня на руки. Я была легкой, как перышко, в его стальной хватке. Мы вышли из карцера в коридор, где выстроились десятки солдат. Все они стояли по стойке смирно, не смея поднять глаз на своего командира.

Дариан остановился перед строем. Он поднял голову, и его голос, усиленный магией, прогремел под сводами всего Сектора:

— Слушайте все! Отныне Майя Эвергард — не заключенная и не ресурс. Она — часть моего штаба и моя личная неприкосновенность. Любой, кто посмеет взглянуть на неё без почтения, будет иметь дело лично со мной. Больше никто и никогда не посмеет прикоснуться к ней без моего прямого приказа.

По рядам солдат прошел приглушенный вздох удивления, который мгновенно сменился абсолютной тишиной. Дариан не просто защитил меня — он публично, перед всем Легионом, закрепил за мной статус неприкосновенности, лишая Совет и инспекцию возможности безнаказанно распоряжаться моей жизнью.

Он нес меня вверх по бесконечным лестницам. Я прижалась к его шее, закрыв глаза и вдыхая его аромат — озон, холодную сталь и теперь... едва уловимую нотку мяты.

— Личный штаб? — тихо переспросила я, когда мы оказались в лифте.

Дариан на мгновение прижал свою щеку к моему виску.

— Ты сама вчера сказала, Майя. Обратного пути нет. Завтра на балу в честь Дня Стали мы покажем им всем, что Смоговые Ямы больше не подчиняются прихотям столицы. Мы оба в тумане, и единственный способ выжить — это держаться друг за друга.

Я закрыла глаза, позволяя его теплу согреть моё озябшее тело. Боже, Дариан... Ты только что объявил войну всему своему миру ради меня. Ты сломал руку ставленнику Совета, нарушил все уставы и поставил на кон свою безупречную карьеру. Аларик хотел сломить меня в тишине карцера, а вместо этого он превратил тебя в моего самого преданного защитника.

Я понимала, что это только начало. В столице Аларик уже наверняка знает о моем спасении. Но сейчас, в руках Железного Пса, я впервые чувствовала, что у меня есть дом. Даже если этот дом скоро станет эпицентром пожара. Завтра будет бал. Завтра я надену платье цвета ночной грозы, и мы посмотрим, чей шлейф окажется сильнее. Ты почувствуешь мой аромат, Аларик. Это будет аромат твоего финала.

Когда Дариан вносил меня в свои покои, бережно укрывая своим плащом, он не заметил, как из густой тени коридора за нами наблюдала крошечная механическая ищейка. Артефакт Ване бесстрастно зафиксировал каждое слово Генерала и каждый его жест, выдающий истинные чувства. Менее чем через час это сообщение будет доставлено в столицу.

И Аларик, получив его, лишь медленно сожмет бокал в руке. Его собственный Источник магии выбросит облако гнилостного зловония, но граф лишь улыбнулся. Время для «Кровавого обручения» пришло. И оно начнется завтра, на балу.

Глава 14. Переломный момент

Зал торжеств в Смоговых Ямах меньше всего походил на те сверкающие, залитые светом и пахнувшие свежесрезанными лилиями бальные залы Аэтерны, к которым я привыкла в прошлой жизни. Здесь царила иная, суровая и величественная эстетика. Вместо хрустальных люстр под сводами из клепаной вороненой стали висели колоссальные газовые горелки, с гулом выбрасывавшие ритмичные языки синего пламени. Вместо нежного шепота скрипок воздух сотрясал мерный, почти гипнотический рокот тяжелых поршней, спрятанных за тяжелыми бархатными драпировками глубокого винного цвета. В такт музыке, которая больше напоминала марш машин, из вентиляционных шахт вырывались снопы белых искр, рассыпаясь по залу золотистым дождем и тая в густом, пропитанном озоном тумане.

Это было торжество металла и пара — грубое, мощное и пугающе красивое, как и сам Генерал, создавший это место.

Я стояла перед огромным зеркалом в покоях Дариана, и мои пальцы, всё еще сохранившие память о вчерашних ожогах, слегка подрагивали, застегивая мелкие жемчужные пуговицы на спине. Платье, которое я создала буквально из обрывков своей прошлой жизни, используя остатки редкого шелка и свои знания химии, выглядело как манифест. Я покрасила его в цвет «ночной грозы» — глубокий, почти черный индиго, который при свете газовых рожков переливался холодным стальным серым. В структуру ткани я ввела микрочастицы серебряного коллоида, и теперь при каждом моем вдохе платье едва заметно мерцало, словно по нему пробегали далекие зарницы. Я добавила в складки ткани каплю своего нового состава, и теперь вокруг меня витал шлейф предгрозовой тишины — озон, мокрый асфальт и едва уловимая, призрачная фиалка.

— Ты готова? — голос Дариана заставил меня вздрогнуть.

Он стоял в дверях — безупречный, пугающий в своем ледяном совершенстве. Парадный черный мундир Легиона, расшитый серебряной нитью, подчеркивал его разворот плеч, а тяжелый меховой плащ, закрепленный массивной стальной пряжкой, придавал ему сходство с древним королем-завоевателем. Он не сводил с меня глаз, и в его взгляде, всё еще лишенном способности чувствовать запахи, я читала такое напряжение, что оно казалось почти физической преградой между нами.

— Я готова встретиться со своим прошлым, Генерал, — я подошла к нему, и тяжелый шлейф моего платья зашуршал по металлическому полу, как чешуя змеи. — Главное, чтобы ваше прошлое не решило переписать наше будущее прямо сегодня.

Дариан молча предложил мне руку. Его ладонь была горячей, и когда я коснулась его предплечья, по моему телу пробежал знакомый электрический разряд, заставив сердце сорваться на бешеный галоп. Мы вошли в зал, и гул толпы мгновенно стих, сменившись звенящей тишиной. Офицеры, суровые инженеры, напуганные гости из столицы — все они замерли, глядя на нас. На «Железного Пса» и его «дефектную» спутницу, которая в это мгновение выглядела как истинная королева этого дымного, механического королевства.

Бал был в самом разгаре, и я уже начала верить в возможность передышки, когда ритм поршней внезапно сбился, превратившись в нестройный лягзг. Тяжелые створки главных ворот распахнулись с таким грохотом, что гости вскрикнули, отпрянув к стенам.

В зал ворвался холодный, пропитанный гарью ветер, а вместе с ним — двенадцать фигур в мантиях цвета сырого мяса. Инквизиция. Во главе шел инспектор Ване, но теперь его лицо было искажено фанатичным восторгом, а за его спиной стояли не просто стражники, а личные гвардейцы Высшего Совета с обнаженными клинками, на которых мерцали руны подавления.

— Генерал Дариан! — голос Ване, усиленный магией, прогремел под сводами, заставляя пламя в горелках дрожать. — По указу Высшего Совета Империи и личной волей графа Ала-

рика Вальмона, мы прибыли для немедленного ареста и экстрадиции государственной преступницы Майи Эвергард. Она обвиняется в осквернении Родового Источника и попытке дестабилизации магического фона Империи. Любое сопротивление будет караться смертью на месте.

Я почувствовала, как рука Дариана под моими пальцами превратилась в камень. Он медленно убрал мою ладонь со своего локтя и сделал шаг вперед, закрывая меня своей массивной фигурой, словно живым щитом из вороненой стали. Воздух вокруг него начал гудеть, наэлектризованный его яростью, которая больше не имела выхода.

— В моем секторе действуют только мои приказы, Ване, — Дариан произнес это тихо, но его бас пробирал до костей. — Майя Эвергард — часть моего личного штаба. У вас нет полномочий забирать моих людей.

— У нас есть право, которое выше твоих солдатских амбиций, Железный Пес! — Ване развернул свиток с золотой печатью Императора. — Здесь подпись самого Владыки. Твое неповиновение — это измена короне. Уйди с дороги, Генерал. Отдай нам это ничтожество, и, возможно, Совет позволит тебе сохранить звание.

Дариан медленно обернулся ко мне. В его серых глазах отражалось синее пламя газовых горелок и нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание. В этот момент время словно остановилось. Я видела его внутреннюю борьбу: он был солдатом, верным присяге до мозга костей. Но я также видела его руки, которые вчера так бережно исцеляли мои раны.

Я понимала: законно спасти меня невозможно. Инквизиция пришла не за правосудием — они пришли, чтобы Аларик мог окончательно стереть свидетеля своего позора.

— Майя, — прошептал Дариан, и в его голосе я услышала приговор всему нашему прошлому. — Ты доверяешь мне?

— Всем существом, Дариан, — ответила я, хотя колени мои дрожали.

Дариан резко перехватил мою правую руку и рванул рукав платья вверх, обнажая запястье с бледной кожей. Инквизиторы, почуяв неладное, бросились вперед, выхватывая мечи.

— Назад! — рявкнул Дариан, и волна его чистой магической силы, подкрепленная яростью, отбросила ближайших стражников на несколько метров, вминая их в бархатные драпировки.

Он наклонился к моей руке. Я увидела его острые, хищные зубы и на мгновение зажмурилась, чувствуя, как мир вокруг взрывается искрами. Резкая, вспыхивающая боль пронзила запястье — он совершал «Кровавое обручение», древний, почти забытый и полузапретный ритуал Легиона. Тот самый обряд, который связывал двух людей в одну плоть на магическом уровне, делая их Источники общими.

Моя кровь коснулась его губ. В ту же секунду по моим венам разлился жидкий, нестерпимый огонь. Это не было больно — это было ослепляюще. Я вскрикнула, но Дариан не отпустил меня. Он притянул меня к себе за талию, фиксируя обряд своим теплом и силой.

— Теперь она — моя кровь! — прорычал он в лицо опешившему Ване. Его голос вибрировал от мощи, которую я никогда в нем не видела. — По закону Легиона и праву Стали, жена боевого офицера неприкосновенна для Инквизиции до тех пор, пока жив её муж. Вы хотите арестовать мою часть? Попробуйте пройти через меня.

Ване побледнел, его руки со свитком задрожали. «Кровавое обручение» было актом высшего неповиновения, который невозможно было оспорить без объявления войны всему Легиону. Но Дариан не закончил. Он посмотрел на меня — и в его взгляде больше не было той профессиональной дистанции, которую он так старательно выстраивал.

Он наклонился и накрыл мои губы своими в глубоком, властном и отчаянном поцелуе прямо на глазах у замершего, шокированного зала.

В ту же секунду мир вокруг нас сошел с ума.

Я почувствовала, как внутри Дариана что-то с оглушительным треском лопнуло. Магическая печать аносмии, которая пятнадцать лет держала его чувства в ледяном вакууме, не выдержала резонанса нашего общего магического фона, сцементированного кровью.

Для Дариана мир взорвался.

Он резко отстранился, тяжело дыша, его глаза расширились до предела, становясь почти черными от хлынувших впечатлений. Он пошатнулся, хватаясь за край стола, и я увидела, как его лицо исказилось от невыносимой, ослепительной яркости ощущений. Он впервые за полторы десятилетия *почувствовал* всё.

Мир больше не был серой схемой. Он чувствовал запах раскаленного масла и озона от машин. Он чувствовал едкий, горький дым сигар офицеров. Но сильнее всего... сильнее всего он чувствовал меня.

— Боги... — выдохнул он, глядя на меня так, словно видел впервые в жизни. — Ты... ты пахнешь фиалками. Настоящими, живыми фиалками среди этого пепла. Я чувствую... твой страх. Твою страсть. Твое биение сердца прямо здесь, у меня в голове.

В этот момент, за тысячи миль отсюда, в блистательной Аэтерне, граф Аларик Вальмон внезапно рухнул на колени посреди своего роскошного кабинета. Он закричал, вцепляясь ногтями в собственную грудь: его тайная магическая связь с Майей, через которую он годами выкачивал её жизненную силу для поддержания своего угасающего Источника, оборвалась с корнем. Его Источник на глазах начал чернеть, превращаясь в кусок гнилого камня, а по комнате распространился невыносимый аромат тлена. Аларик, ты думал, что я — лишь пустой сосуд для твоих амбиций. Но ты только что совершил свою последнюю ошибку. Ты заставил Железного Пса сорваться с цепи и почувствовать вкус жизни. И этот вкус ему очень понравился.

Теперь мы были связаны кровью и сталью, и я больше не была той забитой мышкой, которую он выбросил в грязь. Я была ночным штормом, который только что обрел свое направление. Дариан чувствовал меня. Он чувствовал всё. И теперь он ни за что меня не отпустит.

А здесь, в Смоговых Ямах, Дариан медленно выпрямился. Он вытер каплю моей крови с губ и посмотрел на Ване. Его взгляд теперь был взглядом хищника, который наконец-то обрел нюх и точно знал, где прячется его добыча.

— Вон отсюда, — произнес он, и от звука его голоса лопнули плафоны ближайших газовых горелок, осыпая инквизиторов осколками. — Пока я не решил проверить, как пахнет ваша трусость.

Он сделал шаг ко мне, игнорируя мечи гвардейцев, и с силой прижал мою ладонь к своей груди, прямо над сердцем, которое колотилось как безумный паровой молот.

— Я слышу тебя, Майя, — прошептал он, и в его глазах я увидела пугающую, абсолютную одержимость. — Я слышу каждую твою молекулу. И я клянусь: Аларик Вальмон заплатит за каждый твой вздох в той камере.

Ване поднял руку, отдавая приказ к атаке, но его жест застыл в воздухе. За спинами инквизиторов, в густых тенях огромного цеха, начали одна за другой загораться сотни красных огней. Это были не глаза монстров. Это были рабочие Ям, чьи лица были скрыты масками, а руки сжимали баллоны с «парфюмерной самообороной», которую я им раздала. Бунт перестал быть делом нескольких отчаявшихся женщин. Он стал общим пожаром.

Мы стояли в самом эпицентре этого безумия, связанные кровью, запахом фиалок и ненавистью к тем, кто считал нас своей собственностью. Но когда Дариан снова склонился к моему уху, его шепот перекрыл даже рев начинающегося восстания: — Ты пахнешь как мой единственный смысл, Майя. И я сожгу этот мир, чтобы этот запах никогда не исчез.

В этот момент за его спиной, в глубокой тени за вентиляционной решеткой, крошечная механическая ищейка Ване бесстрастно зафиксировала каждое его слово и каждый жест. Через час это сообщение будет в столице, и Аларик поймет, что его время истекло. Война только

начиналась, и теперь она пахла не только сталью, но и ароматом, который Дариан больше никогда не забудет.

Глава 15. Пробуждение инстинктов

Утро после «Кровавого обручения» пахло не росой и надеждой, а гарью, жженой резиной и тем самым специфическим, едким ароматом моей «парфюмерной самообороны», который теперь заполнил все улицы Пятого сектора. За окнами резиденции Генерала гудел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.